

УДК 94(47)”17/19”:271

DOI: 10.24412/2224-5391-2022-40-115-177

М. Ю. Нечаева

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ НОВО-ТИХВИНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ: СТАНОВЛЕНИЕ ОБИТЕЛИ (К 200-ЛЕТИЮ ВОЗВЕДЕНИЯ В 1 КЛАСС)

Аннотация: В статье рассматривается период истории Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря от учреждения в качестве заштатного на своем содержании в 1809 г. до возведения в штатный 1 класс в 1822 г. Показаны динамика изменения состава насельниц, спектр хозяйственных и церковных послушаний, формирование монастырского ландшафта и восприятие его значимости в религиозном ландшафте города. Охарактеризованы причины ходатайства о возведении монастыря в штатный в контексте потребностей развития монашеской общины, опыта выстраивания отношений монастыря и городского социума, проблем церковной жизни Пермской епархии. Приведены исторические данные о разработке специального общежительного устава для Ново-Тихвинского монастыря, обобщившего опыт 26-летнего существования женской монашеской общины в Екатеринбурге, который стал основой преемственности традиции монашеской жизни на будущие десятилетия не только в самой обители, но и в целом ряде женских общин, возникших в Зауралье вслед за женским монастырем в Екатеринбурге.

В статье показано, что содействие мирян заштатному монастырю носило достаточно ограниченный характер, для дальнейшего стабильного и динамичного развития ему было актуально получить статус штатного с полагающимся по законодательству отводом земли под строения и хозяйственные нужды и с отпускаемым от государства, а не от городского сообщества, содержанием. Это было характерно не только для Ново-Тихвинского, но и для других заштатных монастырей страны. Ново-Тихвинский монастырь, получив положенные по штату средства на содержание, взял на себя и миссию призрения вдов и сирот (особенно из семей духовного сословия), обучения детей, что соответствовало и желанию самих насельниц, и епархиальных властей, и в целом общественным ожиданиям, которые возлагались на монастыри в XIX в.

Возведение Ново-Тихвинского монастыря в штатный первого класса стало признанием обители в качестве одной из наиболее благоустроенных и зарекомендовавших себя достойным образом жизни в стране. Монастырь был новым не только по времени своего появления, но и по духу. Его история убедительно показывала, что у женского монашества, особо пострадавшего от секуляриза-

ционной реформы 1764 г., была возможность возродиться в условиях модернизирующегося общества России XIX в. и обеспечить свое существование.

Ключевые слова: *Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь, синодальный период, монастыри, модернизация общественной жизни, городской ландшафт, монастырский ландшафт, штатные монастыри, монастыри I класса, православные монастыри*

Цитирование: *Нечаева М. Ю. Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь: становление обители (к 200-летию возведения в I класс) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 40. С. 115–177. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-40-115-177*

Сведения об авторе: Нечаева Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения РАН, ORCID: 0000-0003-3278-7269 (Россия, г. Екатеринбург). *E-mail: atlasch@yandex.ru*

Поступила в редакцию 24.09.2022

Принята к публикации 22.11.2022

Планы и реалии монастырской жизни

Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь, первый появившийся на Урале после масштабной секуляризационной реформы 1764 г., весьма непросто, но добился официального учреждения в качестве заштатного на своем содержании. Именным указом 31 декабря 1809 г., через 13 лет после фактического образования женской общины, старавшейся вести монашеский образ жизни, был учрежден Ново-Тихвинский общежительный женский монастырь¹. Желание насельниц исполнилось, теперь они могли принимать монашеский постриг (по примеру третьеклассных штатных монастырей разрешалось иметь 17 монахинь). Приезд игумении Таисии, трудами которой прежде всего и удалось добиться заветного указа, ознаменовался торжественной ее встречей в Екатеринбурге 26 июня 1811 г., в день Тихвинской иконы Божией Матери. Встреча была задумана и организована как триумф молодой обители и ее настоятельницы, как важное событие городской и епархиальной жизни.

Перед отъездом из Перми в Екатеринбург игумения Таисия получила указ консистории от 15 июня 1811 г., копии которого были разосланы «для ведения» по всей епархии². Он воспроизводил резолюцию епископа Иустина на

¹ Подробнее о начальных страницах истории монастыря и о сохранившейся источниковой базе см.: *Нечаева М. Ю. Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь: выбор пути (к 210-летию открытия монастыря) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 168–221.*

² Указ Пермской консистории осинскому благочинному иерею Иоанну Хлопину от 17 июня

просьбы настоятельницы. Самой Таисии после поставления 11 июня в Перми в игуменский сан и принятия ею присяги в верности императорскому Дому и в исполнении государственных законов от епископа дано было «предписание» — официальный документ, подтверждавший ее назначение и перечислявший обязанности: «...дабы она, вступив в препорученную управлению ее женскую обитель, приняла оную в свое смотрение и распоряжение и, управляя оною, поступала во всем по правилам Святых Апостол и Отец, Духовному Регламенту и государственным узаконениям, и имеющему быть от нас при произведении ее во игуменьи Архипастырскому наставлению, и по указным из духовной консистории предписаниям, а в случаях ей неудоборешимых относилась бы к нам или в консисторию на разрешение...».

Как же виделись игумении первоочередные задачи? Их было немало.

Таисия желала назначить на самые ответственные послушания в обители сестер, которым она доверяла. Поскольку в самом Екатеринбурге ее не было около пяти лет, свой выбор она остановила на послушницах, привезенных ею и облаченных в Перми в рясофор. Епископ Иустин предоставил самой настоятельнице решить этот вопрос, находящийся в ее компетенции. Так у престарелой казначеи Евпраксии появилась помощница рясофорная послушница Агафия, а кроме того, ризничая Васса и уставщица Матрона. По просьбе настоятельницы архиерей разрешил составить монастырский хор, церковному же причту предписал не вмешиваться в клиросное пение. Можно предположить, что руководительницей хора — регентом игуменья Таисия видела одну из послушниц, привезенную ею из столиц. Поскольку троим — Агафье, Вассе и Матроне — были даны иные послушания, вероятно, послушнице Анне поручили образовать иноческий хор по столичному образцу.

В монастырской церкви должна была стоять кружка для пожертвований в пользу монахинь, и в «монахинские доходы, каковые от усердствующих даваемы будут», причт не должен был вступаться. Епископ подчеркивал, что эти доходы не должны делиться между сестрами, поскольку монастырь общежительный, а посему все пожертвования следует «скоплять в общую сумму и из оной производить расход казначее с доклада настоятельнице на содержание и нужды сестр, а также и на угощение могущих случиться у настоятельницы гостей». Приход и расход денег казначее надлежало строго фиксировать в специальной книге и ежегодно проверять «старшим сестрам» — наиболее опытным монахиням. Столь же строгой регистрации в специальной книге подлежали и «вклады в обитель на украшение храма Божия усердствующими полагаемые».

1814 г. // ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1. Л. 184–184 об., 196–196 об.; Указ Пермской консистории осинскому благочинному иерею Иоанну Хлопину от 15 июня 1811 г. // Там же. Д. 15. Л. 103–107; Указ Пермской консистории настоятелю Далматовского Успенского монастыря игумену Никандру от 15 июня 1811 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1323. Л. 9–9 об., 11–17; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря // Екатеринбургские Ев. 1906. № 24. Отд. неоф. С. 808–814.

Еще одна особенность общежительного монастыря — общая трапеза для сестер — тоже оговаривалась в предписаниях епископа: настоятельница велено было «за порядком оной иметь строгое и бдительное лично своею особою или чрез казначею попечение».

Особой заботой игумении было определение церковного причта в обитель. При Успенской церкви уже служил в то время заштатный священник Елисей Резанов, но епископ Пермский повелел «для безостановочного по просьбе упоминаемой настоятельницы в церкви служения ныне же причислить другого, а именно заштатного же священника Александра Воинственского, которому поочередно с священником Резановым и отправлять в обители священнослужения и требы впредь до указа или пока настоятельница Таисия представит нам о утверждении их самих, или вместо их изберет одного способного. И притом касательно служения своего в обители быть им с причтом под распоряжением настоятельницы беспрекословно, не вмешиваясь кроме сего ни в какие до обители касающиеся дела и порядок». Оба священника подлежали контролю со стороны местных духовных властей — Екатеринбургского духовного правления, которому предписано было за поведением этих батюшек «смотреть строго, не доводя настоятельницу до неудовольствия и жалоб».

Для проведения воскресных и праздничных церковных служб священникам разрешалось брать поочередно одного из диаконов градского Екатерининского собора, а в случае их болезни — из любой другой приходской церкви. Жалование как священникам, так и причетникам назначалось от Екатеринбургской градской думы из суммы 300-рублевого пособия, определенного монастырю. Размер вознаграждения священники должны были согласовать с настоятельницей, а она — с епископом Пермским. Сверх этого жалования причт мог получать доходы за совершение церковных треб и служб — «кто что даст по своему усердию им особенно», и эти пожертвования верующие должны были опускать в специальную кружку, стоящую в церкви.

Памятуя о неприятных инцидентах, иногда случавшихся в обители, расположенной при кладбищенской церкви на окраине Екатеринбурга, игумения Таисия просила «во уважение вышеозначенной опасности от злонамеренных людей» назначить служителей для охраны. По этому вопросу епископ предписал ей обратиться к Екатеринбургскому градскому обществу, чтобы оно, из «усердия» к монастырю, избрало из своего состава трех человек «честного и доброго поведения» и назначило им жалование из градских доходов. Поскольку грамотных насельниц в монастыре были единицы, епископ Иустин указал, что хотя бы один из служителей должен быть грамотным, «дабы он в случае каких-либо по обители с присутственными местами или начальствами переписок мог заниматься письмоводством». Таким образом, служителей предполагалось использовать не только для охраны, но и «для случающихся работ и услуг».

Забываясь о доходах монастыря, настоятельница испросила у архиерея разрешение впредь лично решать о погребении «в обители мертвых тел знатных людей», поскольку в указе об учреждении монастыря специально оговаривалось, что Успенская церковь становится монастырской, а посему погребения на кладбище должны быть прекращены. Разрешение было дано.

Не забыла Таисия и о своих обещаниях екатеринбуржцам. Во исполнение желания самих насельниц монастырю разрешено было построить больницу и богадельню «для приема больных и странных [т. е. странниц. — М. Н.] жен и девиц или сиротствующих и вдов» на пожертвования «усердствующих». Благотворительные заведения предполагалось разместить «при вратах обители по обеим сторонам таким образом, чтоб на одной стороне была больница, а на другой — гостиница».

Матушка Таисия мечтала, чтобы крестный ход, с которым Тихвинская икона Божией Матери и мощи святых были внесены в Екатеринбург 26 июня 1811 г., стал ежегодным, и епископ Пермский разрешил «вкруг обители и города совершать в сей день [крестный ход. — М. Н.] ежегодно, а по усердию боголюбцев для отправления молебнов и всенощных бдений благословляем образ с святыми мощами и икону Тихвинския Божия Матери как в сей день, так и в другие времена носить в дома, и [в] окружные селения Пермской епархии...».

По приезду в Екатеринбург игуменья Таисия с воодушевлением занялась устройством монастырских дел.

После официального учреждения монастыря стало возможным исполнение духовного стремления насельниц к принятию иноческого пострига. По существовавшему порядку, до учреждения монастыря постриги в нем не проводились. Поэтому первым насельницам кладбищенской общины было суждено пройти очень долгий искуc.

Искуc Татьяны Костроминой — первой монахини обители — длился 14 лет. И если бы не ее особые заслуги в деле учреждения монастыря, он мог бы составить и больший срок: законодательно был установлен возрастной барьер для принятия иноческого сана — 50 лет, дабы этот шаг был обдуманым. Татьяну Костромину по Высочайшему повелению постригли в 45 лет.

Сестры новоучрежденной обители законодательные нормы пострига представляли себе слабо. Прежде светские власти, собирая сведения о насельницах кладбищенской общины, интересовались только наличием у них увольнительных свидетельств от властей, подтверждавших, что они не были беглыми. Подавая в 1810 г. прошение в Синод о разрешении на постриг, 11 насельниц монастыря указали: «...лета же наши соответствуют пострижению», однако в действительности лишь четверо из них достигли требуемого возраста³. Си-

³ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой о дозволении устроить женский монастырь в городе Екатеринбурге, с наименованием его Ново-Тихвинским. 1807–1810 гг. //

нод передал решение вопроса о постриге на рассмотрение епископа Пермского — это была его компетенция. Решение затянулось: матушка Таисия прибыла в Екатеринбург в июне 1811 г., а соответствующее прошение на имя епископа Пермского Иустина подала только 14 февраля 1812 г.

В прошении она писала, что насельницы монастыря — 4 вдовы и 10 девиц, «всеусердно желая принять на себя монашеское звание, убедительно просили ее, игуменью, представить о том Его Преосвященству на благорассмотрение». Трое из них (самые молодые) просили об облачении в рясофор — первой ступени к принятию монашеского пострига. Остальные 11 просили о постриге, и список этих просительниц отличался от подписавших прошение 1810 г. Так, к 1812 г. уже скончались, вероятно, вдова Параскева Алексеева Исакова — попечительница кладбищенской общины во время пятилетнего отсутствия Татьяны Костроминой в Екатеринбурге.

Игуменья Таисия подала представление на постриг наиболее испытанных насельниц, отмечая, что все они «имеют от начальства их письменные увольнительные виды, ведут себя честно и хорошо, возлагаемые на них по обители всякие послушания проходят безропотно и усердно», однако опять не учла существующие законодательные ограничения: из 11 представленных к постригу лишь шестеро достигли необходимого возраста. Им-то и было разрешено принять монашество. Обряд должен был совершить игумен Далматовского Успенского монастыря Никандр, уже и ранее посещавший Ново-Тихвинскую обитель. К сожалению, сведения о времени совершения первого пострига в Екатеринбурге пока не найдены⁴.

Первые монахини Екатеринбурга прошли искус от 3 до 16 лет, в среднем — 9,3 года. Ими стали: Анастасия Самойлова Никитина и Татьяна Игнатьева Филинкова — первые насельницы, пришедшие к Успенской церкви еще в 1796 г., которым к моменту пострига было первой — 77 лет, второй — 70; Фекла Евтихьева Орловых, жившая в общине с 1798 г., вдовы Анна Иванова Лаптева (в общине с 1808 г.), Ирина Ермилова Залесова (с 1809 г.) и Софья Иванова Набережных (с 1809 г.). Остальных просительниц разрешено было облечь в рясофор. Одной из рясофорных послушниц стала ближайшая сподвижница игумении Таисии Агафья Котугина, получившая в постриге имя Августа и определенная к 1813 г. в казначеи монастыря. Были облачены в рясофор и некоторые старейшие насельницы: Александра Костарева, проживавшая в обители с 1798 г. (она получила имя Анфия), Васса Патрушева, проживавшая в обители

РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 65–67, 224.

⁴ Указ Пермской консистории настоятелю Далматовского Успенского монастыря игумену Никандру от 15 февраля 1812 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1–1 об.; Указ Пермской консистории настоятелю Далматовского Успенского монастыря игумену Никандру от 20 мая 1812 г. // Там же. Л. 8–9. Указ консистории о проведении пострига был получен игуменом Никандром 15 июня 1812 г.

с 1800 г. (она получила имя Серафима), родственница игумении Таисии Матрена Костромина, жившая в монастыре с 1801 г. (она получила имя Маргарита)⁵.

Длительный период, прошедший между фактическим возникновением общины, появлением первых послушниц и моментом официального признания обители, сопровождавшимся пострижением старейших насельниц, задавал определенную традицию — весьма продолжительный искус и для последующих поколений монастырских насельниц. Путь к иночеству становился действительно многотрудным, и это придавало больший авторитет монашескому сану как в глазах самих послушниц, так и мирян.

Количество насельниц быстро росло. К 1817 г. их было 80: игумения, казначея, 8 монахинь, 25 рясофорных послушниц и 45 «белиц» (послушниц, официально причисленных в состав сестричества). К концу 1819 г. в обители было 152 насельницы: 17 монахинь, которых и показывали в предписанном указом об учреждении монастыря числе сестер, и 135 послушниц, в основном происхождением из семей «Горного ведомства людей»⁶.

В обители всем находилось дело. Игуменья развернула большое строительство: трудами сестер, исполнявших все работы, вплоть до изготовления кирпичей, к Успенской церкви в 1816 г. были пристроены трапезная, ризница и две схимнические кельи, в 1817 г. устроена каменная часовня (в 1823 г. обращенная в церковь в честь Всех Святых), с 1814 г. возводилась каменная Александро-Невская церковь, построено 3 каменных и 4 деревянных жилых корпуса и 2 флигеля, обитель обнесена оградой, вне которой устроено два дома для священнослужителей. Монастырь свободно вмещал в 71 келье всех имевшихся насельниц. Обитель обзавелась участком земли, на котором сеялись хлеб, конопля, лен, сестры устроили огород, скотный двор, рукодельные мастерские, где пряли, ткали, вышивали золотом, серебром, шелками, синелью и бисером, делали иконные ризы из канители, фольги и мишуры. Летом ловили рыбу и ходили в лес по ягоды и грибы⁷.

В конце 1814 г. игумения Таисия с удовлетворением докладывала епископу Пермскому о послушаниях насельниц:

⁵ Переписка настоятеля Далматовского Успенского монастыря с Пермской консисторией о пострижении в монашество в Екатеринбургском женском монастыре, 1814 г. // ГАШ. Д. 1370. Л. 2–11 об.; Переписка настоятеля Далматовского Успенского монастыря с Пермской консисторией о пострижении в монашество в Екатеринбургском женском монастыре, 1822 г. // Там же. Д. 1524. Л. 2–5.

⁶ Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского, о трудах и попечениях Екатеринбургского Новотихвинского монастыря игуменьи Таисии // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 4–4 об., 19 об.

⁷ Там же. Л. 1–5, 40 об. – 47 об.; *Иконников В.* Историческое описание Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб., 1875. С. 15–16, 75, 85; *Штейнфельд Н. П.* Исторический очерк столетия Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря. Екатеринбург, 1901. С. 6–7.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Милостивейший отец и Архипастырь, Преосвященнейший Владыко!

Объясняем вам о своей жизни. [За] старание мое и труды сестер моих Господь нам помог за Ваши св[ятые] молитвы.

Во-первых, отстроили новых два огорода. Бог послал нам обилие плодов: капусты и репы и овощей довольно для обители.

Второе, посеяно у нас было 8 десятин овса и другого хлеба. Всего хлеба 600 пудов. Сами жали и молотили с своими сестрами.

Третье, постановлено сена 500 копен.

Четвертое, набрано ягод: брусники 130 ведер и других ягод не помногу (мошошки, черники и вишанья).

Пятое, груздей насолено 150 ведер.

Шестое, в новой онжареи огурцов было довольно во все лето до снегу и посолено для обители. В онжарях насадили сад простыми деревьями: рябина, калина, малина, смородина, черемуха, липа, пихта, кедры, березки и сосны.

Еще скота имеем 8 лошадей; рогатого скота 20 голов.

Еще объясняем наше келейное рукоделие: 1) у нас шьют золотом, 2) образа убирают, 3) шьют ризы, 4) ткнут салфетки, 5) ткнут канифасы, 6) ткнут простое, 7) у нас черчение⁸, которое очень полезно для обители, 8) у нас шьют портное, 9) шьют чеботное, 10) кружева плетут, 11) чулки вяжут, 12) прядут.

Еще объясняем. Имеем мы снасти, повозок 5 летних, 5 зимних; дрожки; 4 рабочих телеги; 7 саней и 6 дровней.

За всем за этим смотрение мое и старание меня беспокоит, получаю я скорби и расстройство душевное. Не возможно ли, Преосвященнейший Владыко, дать мне на помощь двух человек достойных в поведении из Далматова монастыря и Верхотурского по человеку. У меня чужие работники все приломают, потому мне должно самой смотреть за починкой, и за всеми работами, и за строением монастырским, и за келейными рукодельями. И все подробно описано по монастырским обстоятельствам. Аще что нужно, то прошением буду писать.

Униженная Ваша послушница игуменья Таисия»⁹.

Усердие матушки Таисии снискало ей симпатии и насельниц обители, имевшей очень благополучный вид. В декабре 1814 г. епископ Иустин поинтересовался монастырским бытом, и в январе следующего года получил доношение от сестер, в котором они подробно описали условия жизни.

Сестры указали, что поскольку монастырь заштатный, то казенной суммы на трапезу сестричества не отпускается и они «довольствуются от доброхот-

⁸ Черчение — подготовительный рисунок для написания иконы или для художественной вышивки.

⁹ Цит. по изд.: Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 13. Отд. неоф. С. 435–436.

ных дателей». Чем же питались в Ново-Тихвинской обители? Читаем: «...повседневно поставляется три кушанья, а иногда и четыре, а именно: щи, каша, горох, в скоромные ж дни прибавляются уха и молоко, а в воскресные и праздничные дни — в пяти кушаньях: рыба холодная и жареная, щи осетринные, уха, сыр печеный, некогда и молоко».

Внешний вид насельниц был весьма опрятен: «Одежду они имеют, во свидетельство звания по Бозе жительства, довольную и хорошую: монахини — ряски мухояровые, подрясники тонкого холста; певчие — рясы и подрясники шанхайные и саржевые, послушницы и трудницы в праздничные дни — свитки и подрясники тонкого холста, а в простые дни — из ровного. Обувание, довольное и простое, удобно к исправлению великой нужды и полезно иноческому жительству».

За свою жизнь в монастыре сестры возносили благодарность Богу и матушке Таисии: «За сим они Его Преосвященству имели объяснить и о том, что они в содержании себя руководствуются игуменьей Таисиєю, пребывают в удовольствовании пищей, и одеждой довольны, также всегдашним ее духовным наставлением и попечением о спасении их. Воистину она, поставленная от Бога, есть глава их и неусыпающее око в созидании монастыря и прочих добродетелях; а которые [сестры. — М. Н.] приносят неудовольствие, те должны быть неблагодарны и лгут на главу свою; [о чем сестры и сообщают. — М. Н.], так как они есть искренние послушницы и рабы, всегда готовы должную честь воздавать и просить Бога, дабы достигнуть всем сестрам до тех добродетелей, каковые имеет их игуменья»¹⁰.

Это донесение доставило большое удовольствие епархиальному владыке, и он счел полезным изъявить свою признательность настоятельнице за ее достохвальные труды.

10 февраля 1815 г. Пермская консистория издала указ, воспроизводящий резолюцию епископа, которую велено было прочесть одному из членов Екатеринбургского духовного правления настоятельнице Таисии при всем сестричестве: «...хотя для трапезы и для прочего штатной денежной суммы и не положено на Екатеринбургскую обитель, однако, [так. — М. Н.] как образ Богоматери и святые мощи, преносимые ежегодно из града во град, из села в село, из селения в селение, приносят в обитель довольно денег и других различного рода вещей и съестных припасов; да и [так. — М. Н.] как монахини и послушницы ревностно и неустанно трудятся и занимаются различными рукоделиями, то обитель чрез сие приобретает свое все нужное и потребное несравненно больше, нежели те женские монастыри, которые получают штатную денежную сумму и в которых обитают дряхлые старухи.

Почему игуменья Таисия погрешила бы пред Богом, да и люди бы стали бы говорить повсюду много неприятного, ежели бы монахиням и послушницам, толико ко всяким трудам и послушаниям подвижным, не представляло[сь]

¹⁰ Цит. по изд.: Материалы для истории... С. 436–437.

довольной и питательной к подкреплению сил пищи и ежели бы наготы их не прикрывала потребным по временам года одеянием. Но монахини и послушницы хвалятся и пищею, и одеждою, и прочими ее с ними поступками.

Все сие нам приятно, потому наипаче, что мы принимали и приемлем в обители оной немалое участие и усердно желаем, чтобы она приведена была в цветущее состояние, хотя и не скоро, и чтобы мало-помалу начала прославляться примерным общежитием. Мы надеемся, что при отеческом промысле Божиим желание наше совершится; ревность, попечение и неусыпность госпожи игуменьи в том нас уверяет»¹¹.

Монастырь и городской социум

Быстро растущее сестричество, размах проводимого благоустройства обители требовали непрестанных забот настоятельницы о ресурсах для ее содержания.

Монастырь получал с 1 апреля 1812 г. трехсотрублевое пособие от Екатеринбургской думы, которое было обещано еще в 1806 г. Однако обеспечила эти ежегодные выплаты опять же матушка Таисия: вопрос, вероятно, не был бы решен и к 1812 г., если бы она, по приезде из столицы в 1811 г. не внесла в градскую казну 1 036 руб. в дополнение к ранее присланным 964: эта сумма в две тысячи рублей и стала обеспечением ежегодных выплат от думы. Сумма тратилась в основном на содержание причта монастырской церкви¹².

Надо полагать, что Т. Костромина привезла в 1811 г. в Екатеринбург значительную сумму пожертвований. О наличии собранных в столице подаяний в размере более 2 000 рублей (отданных ради назначения 300-рублевого пособия от думы монастырю) она сообщала еще в 1807 г. Она продолжала собирать пожертвования вплоть до своего возвращения в Екатеринбург — как в столицах, так и по дороге на Урал. Пожертвования записывались в специально выданную для этих целей митрополитом Новгородским и Петербургским Амвросием книгу. Когда она приехала в 1811 г. в Пермь, книга еще не была заполнена («было еще весьма довольно неисписанных листов»), и епископ Пермский разрешил ей и впредь собирать подаяния «доколе вся та книга запискою кончена будет» в пользу монастыря по пяти епархиям: Казанской, Вятской, Оренбургской, Тобольской и Иркутской с дозволения епархиальных архиереев¹³. К сожалению, сведений, проводился ли сбор пожертвований в этих епархиях сестрами Ново-Тихвинского монастыря, обнаружить не удалось.

Матушка Таисия видела свой монастырь не только местом молитвы, но и очагом благочестия для всего города и более отдаленных мест. Образцом для нее

¹¹ Материалы для истории... С. 437–438.

¹² Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 43–44.

¹³ Там же. Л. 40.

была Саровская пустынь времен преподобного Серафима — когда туда стекались толпы паломников за духовным советом. 5 лет пребывания в столицах приучили ее к образу жизни петербургских и московских монастырей — с их торжественными процессиями, именитыми посетителями. Она много бывала в домах петербургской знати, испрашивая подаяния на обитель, и замечала в приемных иноков из других монастырей. Она устраивала свой монастырь как самостоятельный, способный содержать себя, благоукрашенный церквями, несущий свет христианского просвещения мирянам и дающий кров немощным и больным. Ее деятельная целеустремленная натура привлекала в стены обители многих, но, как и любая неординарная личность, не всеми была понимаема. Особенно в Екатеринбурге, с его более неспешным, чем в столицах, ритмом жизни, с более провинциальными взглядами на монашество как на смиренных «сиротствующих».

Епископ Иустин, все более благоволивший к молодой обители, отличавшейся трудолюбием и усердием сестричества, время от времени считал нужным все-таки ограждать насельниц от мирских соблазнов.

Например, в апреле 1813 г. настоятельница Таисия попросила его о дозволении послушницам в воскресные и праздничные дни продавать свечи в местах наибольшего скопления народа — на рынке и возле приходских церквей, где отмечается престольный праздник. Хотя эта мера была продиктована единственно желанием найти для монастыря дополнительные средства существования, владыка счел ее бесполезной для иноческой жизни и противоречащей законодательным нормам: «...по изображенным в Духовном регламенте правилам ни монахиням, ни во искусе пребывающим женам и девицам не должно выходить из обители, а пребывать всегда во оной. Да и во время службы церковной не велено мешаться с народом, а стоять им на хорах или в трапезе единым, отдельно от народа, чего ради и кладбищенская церковь обращена в монастырскую. Следовательно, позволить продажу свеч и хождение с кошельком и ящиком белицам в других церквях, а наипаче на рынке невозможно да и непристойно, ибо от сего может произойти соблазн и ропот, что уже и случилось. Того ради предписать ей, игуменьи, чтоб она от незаконных просьб удержалась и начальство тщетным умножением бумаг не затрудняла, а употребляла бы все способы, состоящие в непорочной жизни, в воздержании и молитвах, в ласковости, скромности, кротости, учтивости и в усердном угождении и удовлетворении, оказуемом гражданам, духовным и светским, а тем самым и убеждали бы их к доброхотному от усердия подаянию и к пособию во всех нуждах. Светские, при испрашивании обители, сие делать и обещались, и мы уверены, что они, взирая на святую ее с сестрами жизнь, по своему праводушию, благоговению и человеколюбию всегда будут продолжать исполнять данное обещание». Вместо хождения на рынок и в приходы епископ предлагал сестрам устроить свечную лавку в самом монастыре.

Попутно владыка счел нужным сделать наставление и самой игумении, призывая ее строже относиться к приему послушниц в обитель, заботясь прежде всего о благосостоянии монастыря и о его авторитете среди мирян: «...она [игумения. — М. Н.] не должна иметь в монастыре излишнего количества сестер, чтобы в содержании их не было затруднения, да и они должны иметь о поведении своем свидетельства от общества, которому принадлежат, а иначе опасно их принимать. Они могут нанести монастырю бесчестие, бесславие, хулу и поношение»¹⁴.

Следуя церковной традиции, владыка не рекомендовал насельницам Ново-Тихвинской обители без нужды задерживаться в миру. Так, когда в ноябре 1814 г. казначея обители с несколькими сестрами, сопровождаемые монастырским священником Максимом Вечтомовым и диаконом Капустинным, крестным ходом шедшие по Пермской епархии, были застигнуты неожиданно наступившими холодами в отдаленном Соликамске и просили о разрешении остаться там до потепления, они получили решительное предписание владыки ехать «с поспешностью» через Пермь в Екатеринбург¹⁵.

Не всегда находили понимание среди жителей провинциального Екатеринбурга и принятые в столицах способы обращения монастырских насельниц к благотворителям за помощью.

В октябре 1815 г. духовник монастыря священник Александр Резанов рапортом владыке Иустину донес, между прочим, о том, что настоятельница Таисия «частовременно выезжая с молодыми монахинями к разным жителям города, пребывает иногда до самого позднего времени и тем весьма много навлекает и себе и обители нареkania и бесчестия», в чем духовник усмотрел вред для нравов «молодых девиц»¹⁶.

Игумения Таисия, узнав об этом рапорте, сочла себя глубоко оскорбленной словами священника, названными ею лживыми. Обидными она почла и его заявления об отсутствии в обители достоверной финансовой отчетности, и его непонимание принятых в монастыре форм благотворительности: если священник Резанов считал, что любая выдача средств из монастырской казны мирянам без должной записи в расходных книгах есть растрата обительского имущества, то

¹⁴ Цит. по изд.: Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 13. Отд. неоф. С. 434–435.

¹⁵ Там же. С. 434.

¹⁶ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминной... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 264. Выезжала матушка Таисия летом на коляске, а зимой — на возке, отданных ей настоятелем Далматовского монастыря игуменом Никандром в 1813 г. Сохранилось описание этого экипажа: коляска была четырехместной, с колесами, выкрашенными зеленой краской, внутри обита голубым полуратином, а возок был снаружи обит кожей, выкрашенной в зеленый цвет, внутри обит зеленым сукном и поставлен на дубовые полозья (Указ Пермской консистории настоятелю Далматовского Успенского монастыря игумену Александру от 2 ноября 1816 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1407. Л. 2–2 об.).

игуменья полагала, что она вправе сама определять, какую сумму обитель может потратить на свое содержание и благоустройство храмов, а какую — на дела христианского милосердия без излишнего бюрократизма: «...они что от кого принимают, то принимают в милостыню, и что подают кому, то и подлинно подают, а не для того, что они чаяли возврату, а чают будущего воздаяния»¹⁷.

Обвинения от священника Резанова, что игуменья Таисия часть монастырских средств тратит на содержание своих родственников-мирян, некоторых из них женит и выдает замуж «монастырским счетом», она сочла настолько обидными для себя, что не пожелала даже давать объяснения по столь очевидно недоброжелательным толкованиям.

Вероятно, за этими разногласиями настоятельницы и духовника стояло различное понимание форм монастырской благотворительности. В обитель с первых лет ее существования принимали малолетних сирот, которых обучали началам грамоты, рукоделиям. Учитывая юный возраст поступления в обитель, матушка понимала, что не все они призваны к жизни иноческой, и по достижении взрослых лет готова была разрешить им вернуться в мир. Поскольку иного дома, кроме монастыря, у этих сирот не было, игуменья брала на себя отеческие заботы по выдаче их в замужество достойным образом. Бывали среди таких сирот, вероятно, и родственницы самой игуменьи, происходившей из среды мастеровых.

В пользу такого толкования говорит и то, что впоследствии, в 1819–1821 гг., прося о разрешении создать «сиротский дом» при монастыре, игуменья Таисия предполагала решать судьбу его обитательниц следующим образом: «Когда же сии малолетние сироты придут в совершеннолетний возраст и пожелают оставить оный дом, то не возбранять им в сей свободе, однако с тем, чтоб по исходе тотчас посягали в замужество с должным по их поведению и трудолюбию из доходов сиротского дома награждением»¹⁸. Эта традиция действительно прижилась в монастыре, и уже в середине XIX в. екатеринбуржцы с большим уважением отзывались о ней, видя истинную заботу о ближних в том, что монастырь бескорыстно возвращает девочек и не принуждает их впоследствии к монашеской жизни¹⁹. Но любой необычный шаг может быть истолкован по-разному, не избежала этой участи и матушка Таисия в своих благих намерениях.

У молодого монастыря весьма непросто складывались отношения с местным городским социумом. Одним из существенных пунктов разногласий стало кладбище, бывшее первым прибежищем насельниц еще в конце XVIII в.

¹⁷ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 267 об.

¹⁸ Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 47.

¹⁹ Младов Г., прот. Настоятельница Екатеринбургского Новотихвинского девичьего первоклассного монастыря игуменья Магдалина. (Биографический очерк ее, кончина и погребение) // Екатеринбургские ЕВ. 1893. № 5–6. Отд. неоф. С. 114.

Насельницы не хотели покидать образ Богоматери Тихвинской, находившийся в кладбищенской Успенской церкви, да и жилые и хозяйственные постройки, которыми обзавелись в первые годы существования общины. Подготовка мест для захоронений и чтение молитв при погребениях были значимым источником средств существования для них. Сама Таисия Костромина (впоследствии игумения Таисия) во время пятилетнего пребывания в столицах во время ходатайствования об учреждении монастыря колебалась во мнении, стоит ли монастырю остаться при кладбищенской Успенской церкви (превратив ее в монастырскую, а для кладбища построить другую) или обустроиваться на другом месте. Но невозможность забрать в монастырь Тихвинский образ и желания остававшихся в Екатеринбурге насельниц определили ее решение остаться монастырю на прежнем месте²⁰. Указ об учреждении монастыря 31 декабря 1809 г. содержал пункт о преобразовании кладбищенской Успенской церкви в монастырскую, что, в соответствии с действовавшими правовыми нормами, означало, что она перейдет в ведение монастыря. Для кладбищенских нужд предполагалось построить новую церковь на расстоянии около 200 саженей от имеющихся монастырских построек. Еще до торжественного возвращения Таисии в Екатеринбург, 12 января 1811 г. Пермская консистория проинформировала Главную контору Екатеринбургских заводов о необходимости прекратить захоронения²¹. В указе Пермской консистории от 15 июня 1811 г., согласно просьбе игумении Таисии, ей было дано право самой давать разрешение на погребения на территории монастыря. Хлопоты матушки Таисии определялись ее заботой о сохранении свободной территории для обустройства обители в непосредственной близости от кладбища.

Однако если в Петербурге и Перми проблема с кладбищем выглядела почти решенной, на деле прекратить захоронения было непросто — кладбище оставалось единственным в городе. Вернувшись в Екатеринбург и прислушавшись к мнению сестер и священников, игумения поняла, что вряд ли стоит спешить с этим — подготовка могил, заупокойные службы в монастырской церкви были существенной статьей доходов обители. К тому же, «усердствующие» к построению новой Александро-Невской церкви купцы «усердствовали» именно для кладбищенской церкви, а если кладбище будет устроено в другом месте, то к новому храму монастырь не будет иметь никакого отношения и останется при одной Успенской церкви.

Поэтому матушка Таисия стала настаивать не на прекращении захоронений, а на передаче кладбища под контроль монастыря и монастырских свя-

²⁰ Подробнее о том, как решался вопрос о местонахождении монастыря, см.: *Нечаева М. Ю.* Екатеринбургский Ново-Тихвинский... С. 202–207.

²¹ Промемория Пермской духовной консистории в Главную екатеринбургских заводов контору от 12 января 1811 г. // ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 1–6 об., 15–15 об.

щенников. Все необходимые постановления для этого у нее были. Но решительные меры настоятельницы и действовавших по ее указаниям казначеи и священников не всегда находили понимание у горожан, привыкших к более кроткой манере поведения «богадельщиц».

Через 10 дней после торжественного открытия монастыря произошел инцидент, наделавший много шума в городе и имевший неприятные последствия для духовенства и сестер монастыря.

5 июля 1811 г. скончалась дочь губернского секретаря Василия Пестерева жена титулярного советника Настасья Пайвина. Родные попросили отслужить литургию и совершить погребение протоиерея Николая Вологодского, служившего священником в Богоявленской церкви, прихожанкой которой была умершая. Но протоиерей «отозвался больным». Тогда родственники договорились со священником этой церкви Иоанном Поповым, а отец умершей получил от казначеи монастыря монахини Евпраксии согласие погresti ее в ограде монастыря в выложенной кирпичом могиле, за что и обещал сделать вклад 50 рублей на помин души дочери.

На следующий день священник Иоанн совершил литургию и процессия отправилась к кладбищу. В это время стало известно, что протоиерей Вологодский находится в монастыре, по виду вполне здоров, и велел передать родственникам усопшей, что «погребать в ограде обители умершую не позволяется». Отец Н. Пайвиной, полагая, что произошло недоразумение, просил всех следовать дальше. Так и сделали. Однако, как докладывал впоследствии священник Иоанн Попов в Екатеринбургское духовное правление, «дошедши до ограды монастырской, нашли все врата запертыми изнутри от того протоиерея Вологодского и услышали, что и приготовленная могила в ограде по его приказанию зарыта землею; принуждены были стоять у врат со всем провожавшим народом два часа времени и, когда не были впущены, погresti тело в найденную поодаль ограды развалившуюся могилу».

Священник и все участники процессии сочли такое поведение протоиерея Вологодского «наружением и бесчестием», учиненными «над мертвым телом благородной женщины». Отец Иоанн просил свое начальство впредь «от таковых поступков его [протоиерея Вологодского. — М. Н.] удержать, а притом наградить приказанием, куда и впредь, во избежание такового позора, погребать умерших».

По жалобе отца умершей Пермская консистория начала следствие. Игуменья старалась замять дело, получившее нежелательную для монастыря огласку, для чего попыталась «предварительным о том деле к Его Преосвященству в пользу протоиерея Вологодского донесением» изменить мнение следователей, а также вместе с сестрами «неоднократно приезжая в дом к ... Пестереву, уговаривала его оставить то дело и с протоиереем Вологодским помириться». Но родственники умершей, считавшие себя глубоко оскорбленными, не шли на компромисс.

Тогда игуменья Таисия властью настоятельницы запретила казначее Евпраксии и сестрам, требуемым к допросу, давать показания по делу, равно как и сама не желала этого делать, хотя епископ Пермский, чтя монастырское уединение, предписал следователям допрашивать насельниц «в тишине своих келий, а не инде где, дабы они не могли быть обеспокоены миром ниже возмутиться духом». После дополнительного увещевания епископом Пермским игумении Таисии казначея Евпраксия и некоторые сестры дали показания и проходили по делу как обвиняемые, сама Таисия также дала показания, но обвинение ей предъявлено не было, а протоиерей Вологодский был признан виновным по данному делу²².

Вероятно, все замешанные в это дело насельницы, да и сама игуменья Таисия, поняли, что совершили опрометчивый поступок, но он возымел последствия.

Одним из таких последствий стало весьма настороженное отношение части екатеринбургских горожан к идее строительства кладбищенской Александро-Невской церкви вблизи обители. Многие теперь желали устроить новое кладбище сажен за 200–250 от монастырских зданий, а не в 60 саженях, как предполагалось раньше.

Екатеринбургская управа благочиния довольно долго и противоречиво решала вопрос с землеотводом под новые церковь и кладбище. По прошению купца Калашникова и мещанина Бронникова, поданному ими в апреле 1811 г., после неоднократных напоминаний Главной Екатеринбургских заводов конторы, управа отвела место в 250 саженях от Успенской церкви. Причину задержки управа объясняла отсутствием знающего межевщика.

«Усердствующие» Калашников и Бронников начали заготовку необходимых материалов для устройства кладбища и возведения церкви. Но вскоре управа благочиния переменяла свое мнение и назначила новое (вернее, старое — первоначальное) место в 70 саженях от монастырских построек для Александро-Невской церкви. «Однакож и сие последнее место тогда, по случаю наступавшего зимнего времени, да и ныне еще действительно не утверждено, за тем самым не только постройки начать, но и приготовить материалы невозможно», — жаловались благотворители в Екатеринбургское духовное правление 23 июля 1812 г. Калашников и Бронников информировали духовное правление, что по причине таковой непоследовательности они вынуждены не исполнять указы Синода и Пермской консистории, «в рассуждении чего, дабы не потерпеть нам за сие какой-либо ответственности», и просили духовное правление помочь в рассмотрении дела, обратившись к епископу Пермскому и главному начальнику Екатеринбургских заводов.

«Усердствующие» указывали, что «на все материалы и работы цены гораздо возвышаются, а погребение мертвых тел происходит в противность означенно-

²² Ход событий излагается по изд.: Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 12. Отд. неоф. С. 399–401.

го предписания за учиненным запрещением, и притом в производстве сего погребения предстоит немалое затруднение, о чем и духовному правлению должно быть безызвестно». Калашников и Бронников пока только просили отвести им место, соглашаясь на любой вариант — хоть в 250 саженьях, хоть в 70²³.

Епископ Иустин, получив донесение духовного правления, 15 августа 1812 г. отправил указ игумении Таисии, которым запрещал ей чинить препятствия «тела умерших погребать при монастыре, доколе не будет назначено место для кладбищенской церкви. Ибо никто не захочет погребать родственников, где нет церкви». Одновременно епископ ходатайствовал перед главным начальником Екатеринбургских заводов об ускорении отвода места под церковь в 60–70 саженьях от монастыря²⁴.

Когда управа благочиния решила приступить к межеванию, уже наступила поздняя осень и выпал снег, о чем управа и сообщила 15 ноября 1812 г. в Главную Екатеринбургских заводов контору, отложив процедуру до весны. Контора потребовала провести межевание незамедлительно²⁵.

Когда весной 1813 г. снова встал вопрос об устройстве новой церкви и кладбища, позиция горожан стала более категоричной. 31 июля этого года купец Семен Калашников и мещанин Иван Бронников подали в Екатеринбургскую управу благочиния «объяснение», в котором писали, что по указу об учреждении монастыря новую церковь велено выстроить, согласно желанию самих горожан, «в особливом» от обители месте, расстояние же этого места от монастыря высочайшим указом не предписано; и «на основании сего указа должно и желают граждане кладбищу быть в нарочитом от обители удалении». Поэтому горожане и выбрали место в 250 саженьях от монастыря «и в удалении от обывательских строений или кирпичных сараев», сочтя его «самым удобнейшим и приличным».

Благотворители отмечали переменчивость позиции и самой игумении Таисии по вопросу выбора места для кладбища, которая прежде сама просила перенести его поодаль от обители, чтобы не чинить стеснения монастырским постройкам, «а ныне старается оное с той обителью сблизить и, чтоб успеть в своем намерении, несоответственно званию и сану ее представляет начальству, [что], якобы, упомянутое строение церкви предназначено вблизи обители, то есть в шестидесяти саженьях, чего в прописанном указе Св[ятейшего] Синода совсем не сказано, и никто не отважится изобразить сей указ в такой дальней несогласности, подобно как игуменья пред начальством, ибо оный везде известен. С чего же она таким образом писала — неизвестно? И всякому кажется крайне удивительно. Притом, ежели изъясненное строение церкви возвести в желае-

²³ Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 14. Отд. неоф. С. 469–470; Дело о строительстве Александро-Невской церкви // ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 10–13, 25–25 об.

²⁴ Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 14. Отд. неоф. С. 470.

²⁵ Дело о строительстве Александро-Невской церкви // ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 30–31 об.

мом игуменьей расстояний от обители, то не только, по словам Св[ятейшего] Синода, не может быть стеснения той обители от погребенья мертвых тел²⁶, но оно и избежать будет нельзя по той причине, что давно уже за оградой старой кладбищенской церкви, [еще] до учреждения обители, погребались и ныне погребаются умершие тела в довольноном расстоянии, в течение же времени при сугубом умножении сего погребения, конечно, будет стеснение...».

Далее Семен Калашников и Иван Бронников высказывали свое предположение о мотивах перемены позиции настоятельницы монастыря: «...не имеет ли намерение по близости церкви с обителью и по распространении принадлежащей к ней ограды собирать за ближние к церкви и обители для могил места плату, а кто не в состоянии оной дать — отводить таковым места в дальнем расстоянии от церкви и ограды, как и ныне сие происходит. Следовательно, может быть укоризно пропитание народа, который, а паче не имеющие [достаточных средств], и ныне относится недовольным на обложенные сей игуменьей за могильные места, даже вне ограды обители состоящие, цены».

В заключение Калашников и Бронников, ссылаясь на мнение «всех граждан», категорически заявляли, что согласны строить церковь только в 250 саженях от монастыря, а ежели будет принято иное решение, «то и строение церкви сей предоставить ей [игумении Таисии. — М. Н.] произвести своим или обители иждивением, а их от сего и от всякой по сему ответственности устранить»²⁷.

Главная контора Екатеринбургских заводов предписала управе благочиния собрать с горожан и священнослужителей подписки в том, действительно ли они желают иметь кладбищенскую церковь в указанном Калашниковым и Бронниковым месте, что и было исполнено управой в августе — сентябре 1813 г. Горожане и священники были единодушны с «усердствующими»²⁸.

20 сентября того же года управа отвела строителям место под церковь в полуверсте от обители на запад²⁹. Считая вопрос решенным, Калашников и Бронников сразу приступили к заготовке могил, учитывая приближение зимы и недовольство горожан ценами на них.

Через неделю это привело к конфликтной ситуации между прежними «усердствующими» и монастырем. 27 сентября казначея монахиня Августа³⁰ (поскольку

²⁶ Стилистика источника. Следует понимать: «...по словам Св[ятейшего] Синода, может быть стеснение той обители от погребенья мертвых тел».

²⁷ Дело о строительстве Александро-Невской церкви // ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 36–37; Материалы для истории... // Екатеринбургские Ев. 1905. № 14. Отд. неоф. С. 470–472.

²⁸ Дело о строительстве Александро-Невской церкви // ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 41–50 об.; Материалы для истории... // Екатеринбургские Ев. 1905. № 14. Отд. неоф. С. 472.

²⁹ Примерно в районе современной ул. Шейнкмана, №№ 111–113.

³⁰ Вероятно, казначея Евпраксия, будучи преклонных лет уже в момент приезда в Екатеринбург, прожила на Урале недолго и скончалась между 22 ноября 1811 г. и 27 сентября 1813 г. Сменившая

игумении Таисии в Екатеринбурге тогда не было) подала представление в Екатеринбургское духовное правление, в котором писала: «Но как при обители к зиме для погребения приготовлено довольно количество могил и употреблено на то церковной суммы до 100 рублей, то обитель просит духовное правление: не угодно ли будет оному воспретить строителям заготовлять на новом кладбище могилы».

Согласно этой жалобе, переданной духовным правлением в управу благочиния, управа запретила строителям заготовлять могилы, однако они, по видимому, не прекратили свою деятельность.

11 октября казначея Августа уже более аргументированно жаловалась духовному правлению на продолжающуюся активность устроителей кладбища: «...полагать тела мертвые в могилы, обителью заготовленные, по проискам и настоянию строителей ныне уже перестают, капитал обительской церкви остается не выручен», посему просила «изъяснить строителям, что без благословения епархиального Владыки на новое место полагать тела христианские не следует, полагать же усопших повелеть по прежнему к обители, дабы обительская церковь могла с пользою возвратить себе задолженную церковную сумму».

После очередного тура переписки между духовным правлением и управой благочиния было получено «объяснение» купца Калашникова и мещанина Бронникова, свидетельствовавшее о полном расхождении их с игуменией Таисией по вопросу о кладбище: «...с крайним прискорбием видим мы чинимые нам от обительской казначеи обношения. Но первое таковое перенесено [нами] терпеливо, а ныне вынуждены сказать, [что] в прошедшее время, когда здесь обители учреждено еще не было, бывшая настоятельница Татьяна, а нынешняя игуменья, возымев намерение просить о учреждении сказанной обители, просила нас убедительнейше здесь (лично) и из С.-Петербурга (письмами) принять на себя обязанность строения означенной церкви, по каковой просьбе, для сего спасительного ее предприятия, согласились мы, и уверяла в том неоднократно правительство... без чего и учреждение обители не последовало бы.

Когда же сия учреждена, то вместо следующей благодарности наносятся нам чувствительные обиды. И в том ли состоит спасение, на путь которого сии монашествующие обратились, поелику неизвестно по какой причине в сношении своем казначея пишет, будто бы по проискам и настоянию нашему тела мертвых в могилы, на капитал обительской церкви заготовленные, полагать перестают, в чем никакого нашего настояния и происков нет.

ее казначея Августа — ближайшая помощница игумении Таисии Агафья Иудовна Котугина, которая была облачена в рясофор после 30 мая 1812 г. (Указ Пермской консистории настоятелю Далматовского Успенского монастыря игумену Никандру от 15 февраля 1812 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1–1 об.; Указ Пермской консистории настоятелю Далматовского Успенского монастыря игумену Никандру от 20 мая 1812 г. // Там же. Л. 8–9). Таким образом, в 1813 г. она была рясофорной послушницей. В документах того времени таких послушниц иногда называли рясофорными монахинями.

Напротив же, по всякой справедливости сказать можно, что есть происки самих их, игуменьи и казначеи, в присоединении к обители кладбища, ибо указом Пермской Духовной Консистории, с прописанием такового ж Св[ятейшего] Синода, еще в 1811 году предписано погребенье мертвых тел при обители воспретить, а для новой кладбищенской [церкви] отвести другое место немедленно. Но реченная игуменья, в отводе делав нам преграду, бывшего горного начальника письмом просила отвести то место поблизости [к] обители, уверив несправедливо, что изъясненным указом будто бы повелено кладбищенскую церковь устроить в 60 сажнях от обители. Чем самым наведены нам от игуменьи значительные убытки, [состоящие] в том, [что] ежели бы в настоящее время, т[о] е[сть] в] 1811 году, просимое нами место отведено было, то могли бы мы заготовить материалы и производить строение тогда выгоднее нынешнего, ибо цены на все те материалы и работы ныне весьма повысились.

Но и при сем случае оставались мы в непоколебимой терпимости, испрашивая об отводе места сего в расстоянии от обители, по желанию здешних граждан.

Когда же оное отведено, то мы долгом себе вменили заблаговременно и в удобное время заготовить могил некоторое количество, руководствуясь в том указом Духовной Консистории. В каковые могилы, ежели умершие тела полагались, то не по проискам нашим, а по желанию умершего родственников и потому, что мы никакой прибыли не получаем.

А буде в обительские могилы умершие тела и не полагаются, то иногда потому, что большая плата за те могилы требуется, каковой родственники умершего внести, может быть, не в состоянии. Игуменья знала об отводе нового места под кладбище и могил около обители заготовлять не должна.

Однако ж мы и в сем случае, во уважение св[ятой] обительской церкви, за могилы, прикосновенные ко вновь отведенному кладбищу, соглашаемся внести в церковную казну деньги по 60 коп. за могилу.

Просим управу благочиния дать знать игуменьи, что мы, в случае еще каких обношений, принуждены будем просить на нее вышнее правительство»³¹.

В конце того же 1813 г. купец Семен Калашников скончался. После его смерти мещанин Иван Бронников заявил, что одного его капитала не хватит на строительство церкви. Купец Мартынов, который в 1806–1808 гг. подписывал вместе с ними все обязательства по строительству, в нынешних разногласиях поддерживал мнение игуменнии Таисии, но его капиталов тоже было недостаточно для возведения церкви³².

³¹ Переписка монастыря, духовного правления, управы благочиния и строителей Александроневской церкви в 1813 г. в настоящее время в архивах не найдена и воспроизводится по изд.: *Материалы для истории...* // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 14. Отд. неоф. С. 472–474; № 15. Отд. неоф. С. 497–499.

³² Дело о строительстве Александроневской церкви // ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 56.

9 декабря епископ Пермский получил отношение от главного начальника Екатеринбургских заводов А. Т. Булгакова, в котором описывалась сложившаяся ситуация с выбором места и сообщалось мнение горожан и священнослужителей. Главный начальник склонялся к мысли, что строить церковь лучше в 200–250 саженьях от обители, считая аргументы Калашникова и Бронникова убедительными³³.

12 февраля 1814 г. игумения Таисия подала епископу Иустину прошение, в котором излагала свои доводы в пользу строительства церкви в 60 саженьях от обители: «...отводимое градским обществом под построение кладбищенской церкви место, отстоящее от обители в 200 саженьях, по вновь прожектированному плану назначено под постройку обывательских домов; которое место, по распространении города, от постройки домов может быть по времени внутри города; притом же место — песчаное, неспособное, а особливо в летние жаркие дни, к зарытию мертвых тел...».

Отметив, что «в бесполезной и для начальства затруднительной о месте для кладбищенской церкви переписке протекло более уже трех лет», настоятельница предложила построить Александро-Невскую церковь в 60 саженьях от обители на средства самого монастыря и купца Мартынова «для спокойствия начальства и для пользы самих граждан». «Пользу граждан» она усматривала в том, что они смогут отпевать там своих родственников до тех пор, пока не построят другую кладбищенскую церковь. Храм игумения Таисия собиралась строить по ранее утвержденному плану, только без колокольни³⁴.

Епископ в своем отношении к главному начальнику поддержал желание Таисии, выразив надежду, что в столь благом деле, как строительство церкви, найдутся и другие «доброхотные датели»: «...а кто сам изъявит усердие помогать ей в богоугодном сем деле, тому не токмо не возбраняется, но и всячески одобряется; на такового, яко благоговейнейшего и благочестивого мужа, снидет благословение Господне и щедро вознаградит за малое, [ибо] Он богат в милости и щедротах, Он усердную вдовицу за малейшие лепты прославил пред христианами по всей вселенной»³⁵.

10 июля того же года игумения получила желанный землеотвод под церковь и 31 числа того же месяца подала прошение епископу Иустину о позволении возвести церковь, уже с колокольней, «ибо без оной свой вид церковь совершенно потеряет и обезобразится»³⁶. Епископ благословил заложить церковь священнику Иоанну Попову.

Игумения Таисия желала придать закладке храма самый торжественный характер. Событие было намечено на 14 сентября 1814 г. Настоятельница просила

³³ Дело о строительстве Александро-Невской церкви // ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 54–55 об.

³⁴ Там же. Л. 55 об. – 56.

³⁵ Там же. Л. 57.

³⁶ Цит. по изд.: Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 15. Отд. неоф. С. 499.

Екатеринбургское духовное правление «всему духовенству приказать в оный день, отправив в своих церквах ранние литургии, всему непременно собраться в соборную церковь [Екатерининский горный собор. — М. Н.], из которой, по предварительном благовесте на собор, учинить процессию в обитель и в оной, по отправлении литургии, заложить соборне оную церковь, чрез что и стечение народа будет многочисленнее и резолюция Его Преосвященства исполнится в полной мере»³⁷.

Александро-Невская церковь оставалась кладбищенской вплоть до 1842 г., когда в городе было заведено еще два кладбища — ныне существующие Ивановское и Михайловское³⁸. Пока кладбище при монастыре оставалось единственным, обитель отстаивала свое исключительное право на такой источник доходов, как «приготовление могил». Пермская консистория поддерживала позицию обители³⁹. В 1817 г. Главная контора Екатеринбургских заводов выдала монастырю план на землю под кладбищем 24 квадратных десятины 1 300 сажен⁴⁰.

Непросто складывались и отношения монастыря с городскими и горнозаводскими властями. Насельницы помнили, как горожане не выполнили своих обещаний выделить содержание обители, данных в период ходатайства об учреждении монастыря, но продолжали надеяться на помощь горожан в иных формах.

Одним из таких вопросов было назначение охраны в монастырь, расположенный за городом в достаточно глухом месте. С этой просьбой игуменья обращалась к епископу еще в июне 1811 г. Владыка Иустин повелел ей ходатайствовать перед Екатеринбургским градским обществом. Настоятельница так и сделала, но получила отказ. Она просила епископа своей властью посодействовать обители, обратившись от своего имени к Пермскому губернатору и Екатеринбургскому горному начальнику, что владыка и сделал, но и его обращение не помогло: Екатеринбургская градская дума дважды — в 1812 и 1819 гг. — отказала в предоставлении монастырю трех служителей для охраны и письмоводства, поскольку «правительством не возложено сей обязанности на общество». Дума объяснила, что «общество и без того несет в отправлении разных служений весьма значительные обязанности, доходов же с имений получаемых недостат и на самонужнейшия на обществе лежащие расходы» и посоветовала нанять охранников за счет монастырских доходов⁴¹. Настоятельница приходилось кон-

³⁷ Цит. по изд.: Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 15. Отд. неоф. С. 500. Есть упоминания о том, что закладка храма состоялась 22 августа: Штейнфельд Н. П. Исторический очерк... С. 5.

³⁸ Лавринов В. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 190, 195.

³⁹ Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 15. Отд. неоф. С. 499.

⁴⁰ Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 20, 41 об. — 42; Иконников В. Историческое описание... С. 17; Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1910. № 5. Отд. неоф. С. 122.

⁴¹ Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 43 об. — 44.

статировать, что «обитель со всем приобретенным церковным и монастырским имуществом остается в величайшей опасности» и ей остается утрашивать, как и прежде, «злонамеренных людей» набатом, поднимаемым на колокольне Успенской церкви «стражею из женского сословия» — из насельниц монастыря⁴².

Тревожились сестры и за земельные участки, которые были отведены монастырю екатеринбургскими горнозаводскими властями под строения и кладбище, а также расположенные в окрестностях Екатеринбурга (за деревней Шабровой около озера Каменного и у речки Шиловки) участки неплодородной земли, отведенные обители в 1816 г. на 12 лет для расчистки и использования для хозяйственных нужд. Сестры опасались, как бы впоследствии власти не забрали эти земли, а труды насельниц по их благоустройству не пропали даром⁴³.

Появилась и третья материальная проблема: до 1816 г. монастырь получал строевой и дровяной лес беспошлинно, а с 31 мая 1816 г. право на это было дано только «живущим в Екатеринбурге и в заводских округах отставным горным, военным и статским чиновникам и нижним сего рода чинам рядовым и мастеровым, так же вдовам их и сиротам, равно и заводским священно- и церковнослужителям». Монастырю пришлось платить налог («попенные деньги»), что легло дополнительным бременем на монастырскую казну⁴⁴.

Сейчас, по прошествии двух веков, трудно судить, имели ли местные власти реальную возможность исполнить надежды насельниц. Возможно, они и не имели к тому особого рвения: отголоски с отказом в погребении, долгие и противоречивые препирательства относительно места строительства кладбищенской церкви, толки (вероятно, не только среди приходского духовенства) относительно полезности для монашеской жизни пребывания насельниц в городе для испрошения благотворительной помощи, благоустроенный вид обители и ухоженный облик насельниц могли породить сомнения, так ли нуждается монастырь в бесплатной помощи со стороны городских и горнозаводских властей.

Духовник для насельниц

Непросто складывались отношения монастыря и с городским духовенством. Игумении Таисии пришлось долго отстаивать назначение в монастырь духовником протоиерея Николая Вологодского, которому насельницы были благодарны за духовную и материальную помощь, оказанную им во время пребывания настоятельницы в Петербурге. В Успенской церкви служили священники Елисей Резанов и Александр Воинственский, но сестры тянулись именно к о. Николаю Вологодскому.

⁴² Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 21–21 об.

⁴³ Там же. Л. 20 об. – 21.

⁴⁴ Там же. Л. 20–20 об.

Сестры питали к нему особую привязанность, «о Христе любовь, усердие и послушание», а игуменья характеризовала как человека, «коего благоразумие, нашего устава ведение, скромность, в управлении искусство, доброе порядочное поведение, неусыпная ревность и прилежание ко святой Церкви, о украшении и строении оныя неусыпное попечение, а паче к назиданию душ человеческих и наставлению на путь добродетели особенная способность и дар сугубый не только мне и послушницам моим, но и гражданам здешним есть довольно известен». В его духовном наставничестве сестры видели залог процветания обители: «...в его бытии при обители, учении и советах его, протоиерея, помогающу Богу, обитель... укорениться и возрасти может удобнее и свободнее, принося плод духовный по силе своей»⁴⁵.

Протоиерей Вологодский имел немало заслуг перед новоучрежденным монастырем. Он сделал значительные материальные пожертвования обители (к 1811 г. размер его благодеяний «вещами и деньгами» оценивался на сумму 1 000 рублей), в чем являл пример и другим благотворителям. По возвращении из столицы игуменья Таисия узнала, что за время ее отсутствия протоиерей «заготовил» (пожертвовал сам и вдохновил на жертвования других) около 1 000 пудов «всякого хлеба» и 3 843 рубля денег, причем лишь незначительная часть собранного была к тому времени потрачена на содержание сестричества.

Помощь протоиерея матушка Таисия ощущала все время своего отсутствия в Екатеринбурге: «...споспешествовал мне много... перепискою из Екатеринбурга по просьбе моей, доставляя нужные сведения о обители моей и о прочих немало-важных делах, послуживших к пользе и скорейшему устройению моей обители...».

Но сердечную привязанность насельниц ему снискало прежде всего «отеческое попечение»: «...он, протоиерей Николай Вологодский, неусыпную оказал ревность и бдительное имел смотрение над оставленными в обители моей сестрами, наставляя и поучая их вести себя по монашескому уставу, во всяких потребных случаях подавал им руку помощи, заступая их, яко пастырь...», «...некоторых из новопришедших сестр, колеблющихся и намерение имевших возвратиться в мир, оставил и мудрыми поучениями и наставлениями устными паки их устроил жить в обители и в надлежащее привел послушание...».

Игуменья с удовольствием отмечала, что по возвращении в обитель нашла оную «во всех ее частях исправною и порядочно расположенною, сестер и послушниц в обители более тридцати живущих, Саровской пустыни устав хранящих, исполняющих по возможности сил своих, соблюденных и не расточенных, единственно состоявших под распоряжением и ведением одного протоиерея...». Четверо насельниц были даже «довольно достаточно» научены им чтению, пению и церковному уставу⁴⁶.

⁴⁵ Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 238–238 об.

⁴⁶ Там же. Л. 236–237.

Еще до своего возвращения из столицы она пыталась получить благословение епископа Пермского на определение протоиерея Вологодского в обитель, но указ Пермской консистории от 12 января 1811 г. был категоричен: Вологодский не может быть назначен в монастырь «по касающемуся до него делам», и сестры должны избрать другого священника, предпочтительно такого, который и сам желает служить у них⁴⁷.

«Касающиеся до него дела» произошли 5 сентября 1809 г. В этот день в доме диакона городской Богоявленской церкви Машанова между двумя священниками этой церкви — Вологодским и Брызгаловым — произошла ссора и драка, виновником которой, в ходе последующего разбирательства, был признан Николай Вологодский. Ему было назначено наказание — запрет священнослужения и исправления церковных треб в течении 10 месяцев, он был лишен имевшихся прежде знаков отличия — «иметь первенство пред Екатеринбургским протопопом» (т. е. пред протопопом Екатеринбургского собора Екатеринбурга)⁴⁸. Вполне вероятно, что конфликт между Вологодским и Брызгаловым произошел из-за кладбищенской общины: Вологодский считал Брызгалова одним из недоброжелателей общины, чьими интригами объяснялась задержка с утверждением монастыря. Излишняя горячность протоиерея Вологодского в споре, вероятно, не только вызвала гнев духовного начальства, но и привлекла к нему сердца насельниц общины, увидевших в его поступке радение об обители.

Случившийся вскоре описанный выше инцидент с отказом в захоронении вынудил Пермскую консисторию категорически запретить протоиерею, как находящемуся под церковным следствием, появляться на территории монастыря, «хотя бы туда и зван был»⁴⁹.

Но сестры не желали иметь другого духовника, и в Успенский пост того года (первая половина августа) даже не пошли на исповедь к другому священнику. Игуменья Таисия и послушницы просили его исповедать их, «как и прежде у его же бывали неоднократно», однако о. Н. Вологодский отказался, «говоря со слезами, что боится Владыки». Насельницы сочли распоряжение епископа проявлением «неправедного гнева» и, как описывала игуменья Таисия, «крайне соболезнают и каждодневно меня просят, дабы оный протоиерей Николай Вологодский не только бы не был от обители удален, но и к оной навсегда определен, а при том духовником и попечителем утвержден был»⁵⁰.

4 ноября 1811 г. игуменья Таисия «с сестрами» подала прошение в Синод, в котором просила «достойно противу трудов его» наградить Н. Вологодского

⁴⁷ Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 12. Отд. неоф. С. 398.

⁴⁸ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 246–247.

⁴⁹ Там же. Л. 237 об., 247.

⁵⁰ Там же. Л. 238.

и определить его «навсегда» на должность протоиерея главной церкви Екатеринбурга — в Екатерининский собор — и «утвердить духовником и попечителем обители Ново-Тихвинской по общему всех живущих со мною сестр и послушниц согласию и сердечному желанию или при нашей обительной Ново-Тихвинской церкви учредить его, протоиерея, служащим...».

Матушка считала, что ее сестричество требует именно «такового путевода ко спасению, наставника, духовного отца и попечителя, каков оный протоиерей Николай Вологодский».

Кроме того игумения писала, что, хотя она и назначена настоятельницей, но считает своим «священным и неотрицаемым долгом признать свою немощь и недостаток в управлении обителью по новости [для нее этого послушания. — М. Н.] без вспомоществования и советов одного протоиерея Николая Вологодского»⁵¹.

15 декабря 1811 г. Синод заслушал ее прошение. Собрав нужные по делу справки о протоиерее Вологодском, члены Синода припомнили, что и сам он уже обращался с жалобами на наложенное на него церковное наказание, на что и получил от Синода указ от 3 ноября 1811 г., повелевавший, «чтобы он впредь недельными своими просьбами Святейший Синод утруждать не отваживался под опасением поступления с ним по законам».

Заступничество игумении за о. Николая Вологодского тоже вызвало нареkanie членов Синода: ей было поставлено на вид, что назначение и награждение протоиерея находится в компетенции епископа, «а ей, игуменье, принимать на себя о сем ходатайство пред Святейшим Синодом, миновав епархиального Преосвященного, не следовало, почему ей, игуменье, в просьбе ее отказать». Под этим определением Синода, объявленным в указе от 15 апреля 1812 г., среди подписей других членов Синода стояли и подписи недавних столичных покровителей матушки Таисии — митрополита Новгородского и Петербургского Амвросия, архиепископа Псковского Ириней и архиепископа Тверского Мефодия⁵².

В мае того же года указ был объявлен насельницам монастыря⁵³. Еще ранее, 29 ноября 1811 г., по просьбе игумении Таисии на штатное место в Успенской монастырской церкви был окончательно определен указом Пермской консистории священник Верх-Исетского завода Александр Резанов⁵⁴ (вероятно, вместо священников Елисея Резанова и Александра Воинственского). Протоиерей Николай Вологодский в виде церковного наказания был перемещен служить из Богоявленского собора Екатеринбурга в церковь на Уктусском заводе⁵⁵.

⁵¹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 238–239.

⁵² Там же. Л. 247–248 об.

⁵³ Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1905. № 12. Отд. неоф. С. 405.

⁵⁴ Там же. С. 401.

⁵⁵ Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1907. № 5. Отд. неоф. С. 97.

Матушка Таисия придавала большое значение личности духовника. После того как протоиерей Николай Вологодский получил отказ из Синода в удовлетворении своей просьбы о снятии с него запрета посещать обитель, игуменья хотела найти исповедника сестрам среди монашествующих. Однако в Екатеринбурге, где мужских монастырей в то время не было, найти его было невозможно.

В декабре 1811 г. в Екатеринбург приехал по делам игумен Никандр (Куршаков) — настоятель Далматовского Успенского монастыря и эконом Пермского архиерейского дома⁵⁶. Настоятельница с радостью обратилась к нему с просьбой исповедать сестер. 18 декабря, стремясь сохранить молитвенное настроение и уйти хотя бы на время от каждодневных административных забот, она решительно написала епископу Пермскому Иустину: «...к прославлению имени Божия нечаянно прибыл в нашу обитель Высокопреподобнейший отец игумен Никандр, снял с нас тяжкое иго греховное, а дабы оное не возвращать нам на себя, прошу вас, милостивейший Архипастырь, излишними и нам бесполезными заботами, суетными и возмутительными беспокойствами не обременять»⁵⁷.

После упомянутого выше рапорта священника Александра Резанова епископу в октябре 1815 г. тихо тлевшие прежде разногласия между духовником и настоятельницей монастыря разгорелись в полную силу. Игуменья со своей стороны попросила владыку удалить этого священника из монастыря как человека, настраивающего против нее сестер и «по многим еще прежде наносимым ей, игуменья, от него оскорблениям и всегдашним грубостям». Матушка отмечала, что административные заботы по должности благочинного церковью отнимают чрезмерно много времени у священника Резанова, причиняют обители излишние хлопоты, поскольку к нему по делам приезжает много приходского духовенства. Игуменья с горечью отмечала, что из-за благочиннических забот священник Резанов неоднократно «при священнослужениях делал противные монашескому уставу остановки... весьма часто отъезжая в уезд, нередко оставляет обительную церковь без служения; в день престольный Успения Божией Матери не служил литургию — уезжал в уезд, а в обители такое обыкновение — препровождать престольные праздники с особливим уважением божественных и священных служб, но за необходимость принуждена была она, игуменья, просить градских священников [прийти. — М. Н.] для служения священного бдения и святых литургий»⁵⁸.

Считая, что священник не исполняет в полной мере своих обязанностей по церкви, настоятельница распорядилась с 1 декабря 1815 г. не выдавать жалава-

⁵⁶ Об игумене Никандре см.: *Плотников Г.* Настоятели Далматовского монастыря // Пермские Ев. 1869. № 28. Отд. неоф. С. 340; *Его же.* Взгляд на училище при Далматовском монастыре, с 1719 по 1818 г. по актам архивным // Пермские Ев. 1868. № 3. Отд. неоф. С. 41.

⁵⁷ Цит. по изд.: *Материалы для истории...* // Екатеринбургские Ев. 1905. № 12. Отд. неоф. С. 399.

⁵⁸ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 264 об. – 266.

ние ему и причту, отказала ему в квартире (священник жил в доме, построенном за счет монастыря). Матушка полагала, что и обязанности духовника сестер священник Резанов выполняет не должным образом, поскольку его обязанность — не жалобы на сестер духовному начальству, а исправление их «духом кротости», «яко доброму пастырю», ради водворения в обители мира и покоя.

В своих объяснениях епископу матушка Таисия не смогла удержать эмоций и в сердцах посетовала, что «она не имеет никакой положенной суммы, и приходов или вкладчиков у нее, игуменьи, не предвидится, и не видит [она. — М. Н.] себе помощников и попечителей, касающихся до всяких нужных дел к устройению обители. А больше Божиим промыслом, и ее, игуменьи, посильным старанием, и милостыни подаянием обитель ее устраивается и в совершенство приходит. Если б имели рачение о сем священники и не делали соблазнительных собою примеров, то б непременно обитель не терпела нареканий... а если усилились коварствующие ей, игуменьи, и обитель ее ненавидящие, и удерживают меня [епископа Иустина. — М. Н.] от защищения игуменьи и сестр ее, признается она чистосердечно, что оставит обитель, стадо разбредется, и с отчетом во всех своих делах явится там, откуда ко мне прислана [то есть в Синоде. — М. Н.] и будет просить спокойного себе места»⁵⁹.

Игуменья полагалась на решение епископа: «...в прочем предоставила мне рассуждать как угодно, а ее, игуменьи, старание не разрушить, и не погублять, а сколько силы позволяют при помощи Бога приводить в лучший порядок. И совершенно бы как не в долгое время произведено строение довольно, так и порядок бы был восстановлен в обители ее в сообразность общежительных Сатисоградосаровской и других подобных [монастырей. — М. Н.]. Если б священники не развращали нравы лучших сестр, уча непокорству, а убеждали их к повиновению настоящего, то б едва ли обитель их уступала в своей благовидности тем, кои существуют несколько веков»⁶⁰.

Рапорты игумении Таисии по этому делу очень интересны своими нравоучительными мыслями, которые несут в себе отголосок поучений матушки своим сестрам. Например, в письме от 5 февраля 1816 г. она высказывалась так: «Кто может изъяснить о благе мира, коль оно есть велико, дивное для всех любящих Господа, весьма желательное, но ныне существует только в одном названии своем, для того, что умалилися истинны[e] от сынов человеческих, и уже иссякла любовь во многих. Она, игуменья⁶¹, не домышляется, каким образом отвращающиеся от лжи, знающие, что любовь есть исполнение закона, обещающиеся

⁵⁹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Л. 264 об. – 266 об.

⁶⁰ Там же. Л. 268.

⁶¹ Письмо воспроизводится в рапорте епископа Иустина в Синод, поэтому речь игумении воспроизводится от третьего лица.

сносить слабости немощных, предприяли нанести ей, игуменьи, с сестрами ее толикие оклеветания, каковых едва приметить можно не только в простолюдинах христианских, но и в язычниках: и они злым за благое не воздают друг другу. Ей же, игуменьи, и сестрам [то], что учинил иерей Александр Резанов, которого она, игуменья, испросила в обитель, чтоб быть ему наставником, а он до сего был развратником, а ныне сделался возмутителем и предателем, она, игуменья, сколько возможно удерживала язык ее умолчанием содеянных ей, игуменьи, от священника Резанова досаждений, нечувствительным творя поношение, ожидала, да и ожидает вышнего судии, который знает всяку злобу отмщевать совершенно, и, ожидая скорби в скорбях, упование на упование, думала, что еще мало, еще мало, и таким образом тайным наветам противоборствовала. А как много сплетенную узнала из лжи бумагу, то сколько опечалилась душою своею о нем, собирающем огонь на главу свою, и какое он причинил ей, игуменьи, и сестрам ее соблезнование о самом себе. Поминать бы ему свой исход от жизни, а не заниматься сплетением ложных клевет. А какая досада нестерпимая [в том, что] принуждают входить в дела судебные тех, кои к ним несродны, да и не желают [ими заниматься. — М. Н.], почему за изрядное игуменьи и сестрам ее показалось просить меня [епископа Иустина. — М. Н.] сего священника Резанова удалить от обители их, а не принуждать обнаруживать несправедливое священника Резанова мнение, а сущую ложь... Ибо они обители ни малого ущерба не делают и имеют ответ дать Вышнему Судии, идеже не предстанут ни завистники, ни клеветники, ни же ласкатели, а станут на оном свидетели, очи праведных и взор мужей совершенных, которые тогда узрят то, на что ныне разумом взирают. Поистине сказать, что он, священник, теперь достоин сожаления, а если же вступить ей, игуменьи, по правилам законным, тогда всяк взирающий на него будет сострадать о его участи... А они не имамы здесь пребывающего града, но грядущего взыскуют, егда изгонят их из сего, они бежат в другой, не имамы бо скончат градов; Господня есть земля и вси концы ея...»⁶².

Епископ Иустин в этом непростом конфликте постарался примирить духовника с настоятельницею, указав каждому на его прегрешения: «Священник Александр Резанов, оставляя доносы на игуменью Таисию, дал мне обещание впредь не вмешиваться ни в какие дела монастырские, яко до него не надлежащие, соблюдать с нею, игуменьею, мир и согласие и исправлять все то, что надлежит до иерейской должности с пастырскою ревностью без всякого упущения, почему я поставил его, иерея, при обители до будущего усмотрения.

Игуменьи же предписал, дабы и она, оставив неудовольствия свои на иерея Резанова, имела его, яко пастыря, в должном внимании и уважении. А перевести его я не решился, ибо частая перемена иереев не токмо не может быть

⁶² Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 266 об. – 268.

полезна, но неприлична и даже пагубна, как по части духовника, так и по различию качеств людей, что игуменья и могла уже в определяемых к ее обители иереях заметить.

Сверх сего, хотя таким образом дело и прекращается, однако я убеждаюсь [в необходимости. — М. Н.] внушить им и то, что священник Резанов, ежели не оставит вражды от всего сердца своего, не может в служении своем пред алтарем приятен быть Богу; а также и игуменья, ежели не смирится с ним, иереем, то все ее труды и попечения и даже молитвы не будут иметь благословения от Бога. Причем они, иерей и игуменья, должны сами вразуметь, что мир, согласие и единодушие между ними, особливо при новом заведении и устройении обители, необходимо нужны, дабы сестры от несогласия их не могли приходить в расстройство и уклоняться от соблюдения монашеских правил и подчиненности. В чем иерею Александру — как ему осторожно и разумно поступать — и дано от меня Архипастырское наставление под опасением, ежели противно оному будет делать, строгого за нарушение взыскания. Равным образом и игуменья усугубить надзор свой над сестрами и приводить их к исполнению монашеских обязанностей всеми узаконенными средствами, дабы поведение их вселяло в других благоговение и почтение к обители, в чем она, игуменья, и должна подавать собою пример...»⁶³.

В вопросе финансовой отчетности епископ был более категоричен: он усмотрел в действиях настоятельницы нарушение предписанного порядка и указом от 23 марта 1816 г. повелел тратить средства исключительно на нужды монастыря, прежде всего на завершение начатых построек, а о монастырских приходах и расходах присылать ему сведения ежемесячно, «ежели же она сея записки вести не будет и отчитываться консистории в распоряжениях монастырских сумм, то хождение со святыми иконами воспрещено будет ибо по недоставлению отчетов подаст на себя сомнение в злоупотреблении»⁶⁴.

Игуменья смиренно приняла решение епископа относительно духовника, однако требование ежемесячной отчетности сочла чрезмерным отягощением обители, испытывавшей недостаток образованных людей. К тому же, как ей было известно, законодательством была предписана ежегодная отчетность перед епархиальным архиереем. С просьбой освободить ее от ежемесячных отчетов матушка Таисия обратилась в Синод, рассчитывая на содействие своих бывших благодетелей — обер-прокурора князя А. Н. Голицына и первоприсутствующего члена Синода митрополита Новгородского Амвросия. Ее ожидания оправдались, и указом Синода от 30 марта 1817 г. епископу Пермскому было предписано довольствоваться общепринятой ежегодной отчетностью⁶⁵.

⁶³ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 268 об. – 269.

⁶⁴ Там же. Л. 269.

⁶⁵ Там же. Л. 252–252 об., 271–275.

Монастырские крестные ходы

Лишь отчасти нашли понимание в региональном православном социуме и намерения игумении Таисии проводить регулярные крестные ходы со святыми мощами и Тихвинской иконой Божией Матери в пределах Пермской епархии, на которые она получила разрешение епископа Пермского в 1811 г.

Вероятно, крестные ходы стали устраиваться сразу после возвращения матушки Таисии в Екатеринбург в 1811 г., причем в достаточно отдаленные районы Восточного Урала⁶⁶. Поначалу она предполагала, что крестные ходы будут приурочены к главным престольным праздникам в разных церквях, когда собирается много прихожан и в некоторых местах устраиваются ярмарки. Все это могло дать существенный доход молодой обители, получение которого было одним из мотивов организации крестного хода. Однако материальные доводы были не единственными — сестры обители искренне хотели прославить имевшиеся у них святыни, веря в их чудодейственную силу.

6 февраля 1812 г. игумения Таисия подала прошение на имя епископа Пермского Иустина о разрешении совершать крестные ходы в строго определенное время. Главные торжества предполагались ею в Екатеринбурге и его ближайших окрестностях⁶⁷. Несколько крестных ходов предполагалось ежегодно совершать в более отдаленные места Пермской епархии. Один из них был приурочен к ярмарке в Далматове, происходившей 9 мая — в престольный праздник Николаевской церкви. Из Далматова сестры намеревались идти крестным ходом в Шадринск, в Кыштымский завод, в Красноуфимск и Кунгур. Еще один крестный ход планировался в Верхотурье и приурочивался к 12 сентября — дню святого Симеона Верхотурского. Из Верхотурья крестным ходом намеревались идти «в окольные заводы», в Ирбит и в Камышлов с окрестными селениями⁶⁸.

Вероятно, уже в 1811–1813 гг. святыни носились из монастыря этими маршрутами. Известно, например, что в сентябре — ноябре 1812 г. был совершен крестный ход с иконой и мощами в Камышлов, Далматов и окрестные селения, во время которого было собрано пожертвований 611 руб. деньгами, 1500 аршин холста и более 6 пудов кудели. В 1813 г. был крестный ход по 5 уездам Вос-

⁶⁶ Известно, что следующая настоятельница Ново-Тихвинского монастыря, матушка Александра, поступила в обитель в 1811 г., узнав о ее существовании во время крестного хода в ее родном селении — селе Стриганском Ирбитского уезда Пермской губернии (отстоявшем от Екатеринбурга за 180 верст (см.: *Иконников В. Историческое описание...* С. 35; Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 336)).

⁶⁷ Указ Пермской консистории осинскому благочинному иерею Иоанну Хлопину от 15 февраля 1812 г. // ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 19. Л. 98 об. – 99; Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1907. № 3. Отд. неоф. С. 53–54.

⁶⁸ Указ Пермской консистории осинскому благочинному иерею Иоанну Хлопину от 15 февраля 1812 г. // ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 19. Л. 99–99 об; Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1907. № 3. Отд. неоф. С. 54.

точного Урала — Верхотурскому, Ирбитскому, Камышловскому, Шадринскому и Екатеринбургскому, давший монастырю существенные пожертвования: 1 634 рубля деньгами, 3 252 аршина холста и около двух пудов кудели⁶⁹.

Обращаясь к епископу Пермскому в феврале 1812 г., игуменья Таисия не только просила разрешить все эти шествия в указанные ею сроки, но и установить правила, при которых особый почет должен был оказываться монастырским священникам, участвующим в шествиях, а насельницы обители имели бы право продавать во время крестного хода свечи, привезенные из монастыря⁷⁰. Такие крестные ходы матушка Таисия считала одним из общепринятых способов содержания заштатной обители, не получавшей содержания от государственной казны, «но снискивающей содержание себе по благоволению епархиальных Архипастырей от доброхотного подаяния христолюбцев»⁷¹.

Однако по церковной традиции следовало учесть желание самих священнослужителей и прихожан тех церквей, куда намеревался организовать крестные ходы монастырь. Поэтому епископ Пермский, прежде чем благословить шествия, повелел духовным правлениям всей епархии собрать сведения о желательности таких крестных ходов. Правления выполнили приказание. Мнения мирян и духовенства были разнообразны. В некоторых местах вообще отказались принимать крестный ход. В материальных вопросах большинство было единодушно: «...с тем точию... чтоб продажа свеч производима была во время шествия с иконою Божия Матери и с мощами и молебствования оным от приходских церквей, а не от обители». Екатеринбургцы принять крестный ход с монастырскими святынями согласились, но не в те сроки, которых желали насельницы⁷².

Рассмотрев все мнения, епископ Пермский Иустин 17 июля 1814 г. по докладу консистории постановил разрешить крестный ход со святынями священнику и диакону монастыря вместе с одной монахиней и двумя — тремя послушниками «честного поведения и довольных уже лет» по всем приходам, изъявившим на это согласие. Игуменья обязана была заблаговременно извещать при-

⁶⁹ Материалы для истории... // Екатеринбургские Ев. 1907. № 5. Отд. неоф. С. 99; *Иконников В.* Историческое описание... С. 11–12.

⁷⁰ Указ Пермской консистории осинскому благочинному иерею Иоанну Хлопину от 15 февраля 1812 г. // ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 19. Л. 98–100 об.; Материалы для истории... // Екатеринбургские Ев. 1907. № 3. Отд. неоф. С. 53–55.

⁷¹ Указ Пермской консистории осинскому благочинному иерею Иоанну Хлопину от 15 февраля 1812 г. // ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 19. Л. 100; Материалы для истории... // Екатеринбургские Ев. 1907. № 3. Отд. неоф. С. 55.

⁷² Материалы для истории... // Екатеринбургские Ев. 1907. № 3. Отд. неоф. С. 56–58; Указ Пермской консистории настоятелю Далматовского монастыря игумену Никандру от 17 июня 1814 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3086. Л. 2–3; Указ Пермской консистории осинскому благочинному иерею Иоанну Хлопину от 17 июня 1814 г. // ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1. Л. 184–184 об., 196–196 об.; Д. 22. Л. 42–43; *Иконников В.* Историческое описание... С. 12.

ходы о времени прибытия туда крестного хода. Учитывая мнения мирян и духовенства, постановлено было разрешить продажу свеч по время крестного хода приходским церквям, а не Ново-Тихвинскому монастырю. Всем участникам шествий было предписано «наблюдать всякую благопристойность, тишину и спокойствие», а игумения обязана была о количестве собранных пожертвований отчитываться перед епископом по окончании каждого хода и в конце года⁷³.

Ходатайство о причислении в штат

Веря в будущее обители и желая обеспечить ей гарантированное вспомоществование как подспорье трудам самих сестер, настоятельница решилась просить о возведении обители в число штатных — получающих государственное содержание. Наученная прежним опытом, она отправилась в Петербург лично, оставив старшей в монастыре казначею Августу (Агафью Котугину).

Путь матушки Таисии в столицу лежал через Пермь. В мае 1819 г. она предстала перед епископом Иустином с просьбой отпустить ее и пятерых сестер на полтора года в паломничество по святым местам России. При себе она имела план отведенным обители земельным участкам (для монастырских построек и кладбища) и чертежи фасадов имеющихся строений.

Владыка по достоинству оценил труды игумении, считая, что возведение и нового храма, и жилых и хозяйственных построек за 10 лет официального существования монастыря «по справедливости приписать должно усердию, ревности неусыпной и благоразумной попечительности и деятельности» самой настоятельницы. Епископ Иустин в присутствии всех членов Пермской консистории 8 мая объявил ей благодарность и предложил консистории изъяснить благодарность за содействие в устройении обители и Главному начальнику горных заводов Н. А. Шленеву⁷⁴.

Вероятно, тогда же игумения обсудила с епископом перспективы духовного и материального процветания монастыря. Матушка полагала, что правовое положение заштатной на своем содержании обители недостаточно надежно, особенно ее заботило сохранение за монастырем прав на земельные участки, уже полученные от местных властей, навсегда, а не на время, и получение от государственной казны вспомоществования для строительных работ. Надо полагать, тогда же она сообщила владыке о своем намерении добиваться в столице возведения монастыря в штат.

⁷³ Указ Пермской консистории осинскому благочинному иерею Иоанну Хлопину от 17 июня 1814 г. // ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1. Л. 184–184 об., 196–196 об.; Указ Пермской консистории настоятелю Далматовского монастыря игумену Никандру от 17 июня 1814 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3086. Л. 3–3 об.; Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1907. № 3. Отд. неоф. С. 58–59.

⁷⁴ Иконников В. Историческое описание... С. 17; Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 1–1 об.

30 мая насельницы Екатеринбургской обители получили официальные документы — «билеты», позволявшие им отправиться в поездку.

К ноябрю (а быть может, и к октябрю) того же года они приехали в столицу. Где они побывали прежде — неизвестно, но можно предположить, что не преминули вновь посетить Саровский монастырь, вдохновивший когда-то Татьяну Костромину на создание обители, и расположенный неподалеку от него Санаксарский Рождество-Богородичный мужской монастырь, где с 1817 г. покоились останки благодетеля уральского монастыря — адмирала Федора Федоровича Ушакова.

Екатеринбургские насельницы лишились к 1819 г. не только этого покровителя. Изменился и состав Синода. В марте 1818 г. ушел на покой первенствующий член Синода митрополит Новгородский и Петербургский Амвросий (Подобедов), в мае того же года он скончался. В том же году умер архиепископ Псковский Ириней (Клементьевский), а еще ранее, в 1815 г., — архиепископ Тверской Мефодий (Смирнов)⁷⁵.

Правда, обер-прокурором Синода оставался князь Александр Николаевич Голицын, который и прежде покровительствовал монастырю. Теперь, из уважения к игуменскому сану матушки Таисии, свои послания к ней он подписывал словами «Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга», а обращался к ней «Высокопреподобная мати игуменья Таисия, милостивая Государыня моя»⁷⁶.

Был влиятелен и популярен в столице еще один знакомый — генерал А. Ф. Лабзин, мистик и масон, пользовавшийся покровительством обер-прокурора Синода, но отношение представителей высшего духовенства (в том числе и членов Синода) к нему становилось все более негативным. Сведений об обращении к нему матушки Таисии во время пребывания в Петербурге в 1819–1821 гг. нет.

Где проживали екатеринбургские сестры в этот приезд, — неизвестно. Вероятно, они избрали для себя женский монастырь — это более приличествало их иноческому сану (в Петербурге в это время действовал Смольный Воскресенский монастырь, в котором Татьяна Костромина приняла постриг).

По приезде матушка Таисия, надо полагать, отписала епископу Иустину. 23 октября 1819 г. он отправил в Синод рапорт, которым сообщал о преподанной им в Перми матушке благодарности в надежде на то, что Синод, приняв «во внимание и на уважение» ее труды, даст «благоволительный в резолюцию указ»⁷⁷, то есть и со своей стороны наградит настоятельницу.

⁷⁵ Цыпин В., прот. Амвросий (Подобедов) // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 149–150; Берташ А., свящ. Ириней (Клементьевский) // Православная энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 460–463; Берташ А., прот. Мефодий (Смирнов) // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 121–128.

⁷⁶ Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 28–28 об.

⁷⁷ Там же. Л. 1 об.

19 ноября Синод, рассмотрев рапорт и сочтя, что ее старание «заслуживает уважения, и потому в воздаяние за оное и в поощрение на подобные труды и подвиги», постановил представить игуменню Таисию к высочайшему награждению золотым наперсным крестом⁷⁸. 20 января 1820 г. князь А. Н. Голицын сообщил Синоду о высочайшем пожаловании ей креста, который и был возложен на нее 3 февраля митрополитом Новгородским и Петербургским Михаилом (Десницким) по указу Синода⁷⁹.

Еще до получения награды, но уже зная о благоприятном постановлении Синода, игуменья 14 декабря 1819 г. подала прошение на имя императора с просьбой о возведении Ново-Тихвинского монастыря в число штатных.

Штатные монастыри делились на три класса, каждому полагалось свое содержание. Матушка Таисия не указала, в какой именно класс она просила возвести монастырь, но, вероятно, рассчитывала на обитель второго класса (поскольку к третьеклассной монастырь был приравнен ранее, хотя и без государственного содержания, а первоклассных монастырей в России были считанные единицы).

В прошении матушка Таисия кратко описала историю монастыря, имеющиеся постройки и источники доходов, после чего указала мотивы обращения в Синод: «С таким устройением сей обители оставалось только мне с сестрами и имеющими по обетам пребывание вдовами и сиротами прославлять имя Божие и приносить молитвы о спасении всех православных христиан, и сверх того кроме пустынножительных трудов и послушаний иметь заведенное с самого начала общежития призрение и хождение за больными, увечными и престарелыми, препоручаемыми обители от екатеринбургских граждан и из других окрестных мест, вспомоествуя при том их от избытков обительных пропитанием и одеждою. Но поелику обитель сия сравнена с третьеклассными женскими монастырями в одном только количестве монашествующих, а в прочем оставлена на содержании добротных дателей без всякого от казны пособия, то, предвидя затруднения, могущие произойти к поддержанию обители на будущее время в одинаковом [то есть в прежнем. — М. Н.] положении [оставленной] от нижеследующих обстоятельств, и которые осмеливаюсь изложить»⁸⁰.

Игуменья просила навечно закрепить все занимаемые земельные участки в собственности монастыря, отпускать безошлинно строевой и дровяной лес монастырю в том количестве, в каком его получали и раньше, поскольку обитель «наполнена вдовами и сиротами большею частью Горного ведомства людей»⁸¹. Высказывая опасения о сохранности монастырского имущества, настоятельница просила определить к монастырю 10 человек служителей для ох-

⁷⁸ Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 5.

⁷⁹ Там же. Л. 14.

⁸⁰ Там же. Л. 19 об. – 20.

⁸¹ Там же. Л. 20–21.

раны и для выполнения работ, «не свойственных женскому полу», ссылаясь на такое же установление для Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря⁸². Если не считать монастырей 1-го класса, такое количество служителей редко встречалось в практике обитателей того времени: оно было разрешено лишь второклассному Троицкому Белбажскому монастырю Костромской епархии и третьеклассному Нижегородскому Крестовоздвиженскому монастырю⁸³, который, возможно, игумения Таисия посетила по пути в столицу.

Кроме этого настоятельница просила: «1) означенную обитель, по неимению таковой штатной в Пермской епархии, возвесть в штат вместо одного которого-либо из упраздненных в 1813 году в Москве двух женских монастырей, с производением и положенного по штату содержания; 2) дозволить тогда сверх штатного положения монахинь иметь такое же количество оных на содержании обители, яко необходимо нужных как для клиросного пения и чтения и других по церкви и обители послушаний, так и для избрания из них способных в настоятельницы и казначеи, по выбытии настоящих»⁸⁴. Это были достаточно скромные просьбы: в обители уже проживало 152 человека, среди которых настоятельница многих считала достойными пострига. Тем не менее она просила всего лишь об удвоении числа монашеских мест, и то не настаивала на выделении им казенного содержания. Таким образом, речь шла лишь о праве монастыря иметь 34 монахини, причем половину из них «на своем содержании». Это действительно было необходимо для дальнейшего развития монастыря, ведь разрешенные для третьеклассного монастыря, к какому по численности монахинь был приравнен Ново-Тихвинский при его учреждении в 1809 г., 17 монашеских мест уже были заняты принявшими постриг, а среди 135 послушниц тоже были достойные пострига.

22 декабря 1819 г. Синод заслушал прошение, а 15 января 1820 г. был отправлен указ епископу Пермскому, повелевавший, согласно существовавшему порядку, представить свое мнение и необходимые документы. А далее игумении Таисии снова, как и при учреждении монастыря в 1807–1809 гг., пришлось месяцами ждать ответов.

В Перми указ был получен 1 февраля, через два дня рассмотрен в консистории и передан в канцелярию для сбора сведений по сути просьб и оформления справки. Повытчик сделал необходимые выписки из документов к июню 1820 г.

Далее епископ должен был отослать эти документы со своим мнением в Синод, но, движимый лучшими побуждениями, отложил это, поскольку пришел к мысли, что надо добиваться возведения монастыря в штатные обители не второго класса, а первого.

⁸² Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 21–22.

⁸³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (далее — ПСЗРИ-I). СПб., 1830. Т. XLIV. Книга штатов. Ч. 2. Отд. III. С. 30–31, 65–67.

⁸⁴ Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 22.

Зная о сложившейся традиции благотворительности в Ново-Тихвинском монастыре, епископ Пермский возымел намерение сделать представление в Синод о возведении Екатеринбургской обители в первый класс «как для помещения некоторых духовных вдов и сирот, особливо не имеющих родства, и уже пожилых лет, и бесполезно занимающих просфорнические должности, которые могут быть предоставлены другим вдовам и сиротам пропитания не имеющим, в означенную обитель в надежду монашества, так и для учреждения в той обители некоторого рода училища для образования в нем младолетних девиц в рукоделиях и в поучении чтению душеполезных книг на собственном их от рукоделий содержании. Предмет сей, по мыслям Его Преосвященства весьма полезный и важный, требовал и требует соображений точных и твердых», посему отправка документов была отложена, а секретарю консистории Мышкину было предписано подготовить новую подборку документов в пользу возведения монастыря в первый класс⁸⁵.

К 1819 г. в России было только 7 женских штатных монастырей I класса: Суздальский Покровский (ведущий свою историю с 1364 г.), Московские Вознесенский (ранее 1386 г.) и Новодевичий (с 1524 г.), Киевский Флоровский Вознесенский (ранее 1566 г.), Казанский Богородицкий (1579 г.), Александровский Успенский (1650 г.), Петербургский Воскресенский Новодевичий (Смольный) (1748 г.). Из них самое большое содержание от казны имел Александровский монастырь. В нем было разрешено иметь и наибольшее число штатных монашеских мест — 100 монахинь и игумению, тогда как остальные первоклассные монастыри могли иметь от 14 до 72 штатных мест⁸⁶.

Между тем игумения Таисия в Петербурге недоумевала о причинах задержки ответа и пыталась ускорить его получение повторными прошениями в Синод. Синод послал епископу предписание об ускорении дела 17 сентября 1820 г. и отправил в Пермскую консисторию три «понуждения». Но заканчивался 1820 г., а ответа все не было. 16 декабря новый обер-прокурор Синода князь П. С. Мещерский послал еще одно предписание секретарю консистории Мышкину немедленно отчитаться в исполнении синодальных указов. Секретарь отчитался 18 января — не исполнением указа, а объяснением причин задержки.

Этот ответ, рисующий живую картину консисторского быта того времени, достоин цитирования. Признав, что епископ дал соответствующие распоряжения ему, секретарю консистории, но он не исполнил их, Мышкин указал «нижеследующие причины»:

«Первая: что я в каждый почти день, кроме праздничных, должен быть в утреннее время у Его Преосвященства для доклада и чтения дел, как от консистории представляемых, так с почты и от частных людей и мест к нему по-

⁸⁵ Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1910. № 5. Отд. неоф. С. 124–126.

⁸⁶ ПСЗРИ-I. Т. XLIV. Книга штатов. Ч. 2. Отд. III. С. 30, 32, 65, 80.

ступающих, а после обеда заниматься на важные бумаги сочинением по приказанию его вчерне резолюций и исправлением текущих по Консистории дел.

Вторая: чрезвычайное множество в Пермской губернии раскольников, направлявших все усилия и умышления к испровержению существующей в городе Ек[атеринбур]ге дозволенной старообрядческой церкви, и распространение их заблуждения через лжеучителей, наставников и беглых потаенных (по их названию, попов) [с]толь в сильном движении, что зло сие объемлет всю почти Пермскую губернию. От чего беспрестанно поступали и поступают к Его Преосвященству и в консисторию от духовных правлений и от благочинных во многом количестве представления о отступлении не токмо целых семейств, но и многих селений [в раскол. — М. Н.]. Для удержания сего стремительно развивающегося зла и для предотвращения истинных чад церкви Христовой от сей губительной заразы потребно меры оказать, решительные и действительные, которые как со стороны Его Преосвященства, так и консистории предпринимлются и полезно в действии производятся.

Третья: частные жалобы и просьбы вдов и сирот о доставлении им способов к пропитанию, также и священно- и церковнослужителей на бедность, особливо находящихся в казенных Кушвинских и Богословских заводах, равным образом и в помещичьих заводах и селах, и потому ищущих других мест или требующих от Его Преосвященства ходатайства за них у горных начальников и помещиков о умножении им жалованья или других выгод к безбедному их с семействами пропитанию и удобному сыновей их в семинарии содержанию. А от сего немаловажная и затруднительная происходит между Его Преосвященством и управляющими и самими их владельцами переписка, занимающая довольно у меня времени.

Четвертая: безмерное пьянство, буйство, своеволие и разные многих священно- и церковнослужителей законопреступления обращают все и особенное внимание Его Преосвященства ко искоре[не]нию сих зол, почему все Его Преосвященства по сему предмету распоряжения сочиняются по приказаниям его также мною, на что и времени, и занятия употребляется немало.

Пятое: изобилие в Пермской епархии ябедников, которые без всяких законных причин затевают токмо пустые дела, ухищряются всяким образом навлечь правительству затруднение и умножение бесполезного труда и дел, к остановке законных текущих [дел служащие. — М. Н.].

Шестое: недостаток канцелярских служителей как по количеству, так и по способности, ибо в П[ерм]ской к[онсисто]рии имеется оных токмо 12 человек, да и в те по нужде токмо крайней приемлются – то из сторожей консисторских и правленских, то из причетников, а других ко вступлению в консисторию охотников и желающих вовсе нет...

Сии причины, кроме других многих, не менее важных, навлекают величайшее затруднение и неуспешство в течении и отправлении по Пермской к[онсисто]рии дел. По сему же самому и указ Св. Синода замедляется исполнением.

Что же касается до того, почему не рапортовано о причинах, препятствующих исполнению, то признаюсь Вашему Сиятельству со всею откровенностью, что в сем есть прямое мое упущение, что я по развлеченности моей на другие дела не докладывал о том ни Его Преосвященству, ни консистории»⁸⁷.

Однако Синод не выказал сочувствия к этой «трудной и наполненной огорчениями... должности» — и Пермская консистория была подвергнута ревизии, а секретарь Мышкин уволен⁸⁸.

Игуменья торопила епископа Иустина и личными посланиями. Владыка призывал ее к терпению. Так, 10 марта 1821 г. он написал письмо, полное доброжелательства к ее замыслам: «...замедляется же то представление по причине многих моих по устройству епархии распоряжений и других не терпящих времени дел, так[же] по встречающимся вновь обстоятельствам, которые почитаю нужным включить в представление, тем более, что учреждение обители Вашей должно быть не на краткое время, но навсегда, и потому все, что только может входить в состав учреждения оной, не должно быть ныне упущено, а сие в краткое время все вдруг представиться в мысли не может, от чего я и от поспешности в сем деле удерживался, дабы чего не упустить. Да и пословицы говорят: скорое не споро (что Вы опытом сами дознали), а тихий воз на горе будет. Я уже на прошедшей почте коротенько заметил Вам, чтоб Вы были терпеливы, а Бог доброе дело в свое время поможет совершить лучшей нашей иногда не так полезной торопливости»⁸⁹.

В этом же послании епископ сообщил игумении о своих намерениях добиваться возведения обители не во второй, а в первый класс, поскольку «второклассные женские монастыри ни по числу монашествующих, ни по жалованью не превосходят третьеклассных монастырей, а почему и выгоды от сего для епархии никакой быть не может»⁹⁰.

В последних строках владыка не преминул сказать несколько утешительных слов и полезных наставлений игумении, проникнутых не только душевным расположением к ней, заботой о процветании обители, но и непрестанными заботами о благе епархии в целом, которому, по его мысли, мог послужить Екатеринбургский монастырь: «Из частых Ваших ко мне писем я усматриваю, что Вы уже скучаете петербургскою жизнью. Я этому верю, но для твердого обители блага примите сие долгое пребывание Ваше за подвиг Богом

⁸⁷ Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1910. № 5. Отд. неоф. С. 126–127.

⁸⁸ Там же. С. 127.

⁸⁹ Цит. по изд.: *Иконников В.* Историческое описание... С. 22–23.

⁹⁰ Цит. по: Там же. С. 25.

на Вас возложенный. Вы взяли с собою четырех сестер да после вытребовали еще трех для научения разным рукоделиям и мастерствам при личном Вашем надзоре и попечении, употребите Ваше все попечение, чтоб они обучались многим полезным рукоделиям и искусствам в совершенстве, для сего и время потребно не краткое, но довольно и достаточное к обучению. Ежели Бог благоволит исполниться всему по моим благонамерениям, то они с величайшею пользою могут послужить нетокмо для обители, но и для всех епархии моей вдовиц и сирых девиц; равных образом и для жителей здешнего сибирского края. Написавши письмо в утешение Ваше, я желаю и в молитвах моих не забываю умолять Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа о небесном на Вас благословении, о даровании Вам спокойствия душевного и телесного здравия. Впрочем, пребываю с истинным почтением...»⁹¹.

Свое присутствие в Петербурге матушка Таисия действительно постаралась использовать с максимальной пользой для монастыря. Она не только пристроила для обучения рукоделиям своих насельниц, но и непрерывными ходатайствами пыталась положительно решить хозяйственные вопросы, и сформулированные в ее прошении в Синод, и в прошении не поименованные.

Так, например, настоятельницу заботил конфликт, возникший в апреле 1820 г., уже во время ее пребывания в столице, из-за требования Горного начальства уплатить за «поправку» участка Уктусской дороги, расположенного «против отведенных обители под строение мест».

Уктусская дорога (ныне ул. 8 Марта в Екатеринбурге) соединяла два завода — Екатеринбургский и Уктусский и считалась загородной. Свой отказ от участия в уплате средств на дорогу обитель пыталась обосновать всевозможными доводами. Например, сестры указывали, что монастырь построен с согласия градских жителей на земле градских выгонов и не имеет никакого постоянного содержания, следовательно, и общественные повинности, ежели они положены с этой земли, должно выполнять градское общество, а не обитель. Пытались они опереться и на статьи Проекта Горного положения, предписывавшего исправление дороги между заводами вести силами заводских работников за счет собираемых в губернии налогов.

Дальнейший спор, в который втянулись и Пермская консистория, и Пермское губернское правление, шел относительно того, являются ли дома для монастырских священнослужителей частью городской застройки, и относительно того, как используются монастырем выделенные ему земельные участки — по назначению (то есть под строения), или для хозяйственных надобностей — под огород, пашню.

Горное начальство усматривало в использовании земли под сельскохозяйственные потребности дополнительный источник дохода монастыря, который

⁹¹ Цит. по изд.: *Иконников В. Историческое описание...* С. 23.

позволяет ему участвовать в исполнении общественной повинности по починке дороги. Настоятельница Таисия указывала, что выделенные обители земли болотистые и замусорены городом, так что монастырю потребовались 3 года, немалые усилия и средства, чтобы очистить эту землю и попытаться облагородить ее, в том числе посевом овса, но урожаи с этой земли не покрывают и малой толики трудов сестер, не преминув напомнить при сем, что градские жители обещались оказывать помощь обители, но обещания своего не сдержали.

Что касается домов священнослужителей (ныне — на углу улиц 8 Марта и Декабристов), то матушка Таисия считала их нераздельной частью монастырской территории, отведенной за городом, и посему не являющимися частью городской застройки, хотя и признавала обязанность монастыря соблюдать чистоту и опрятность улицы напротив этих зданий⁹².

26 мая 1821 г. матушка обратилась к императору с прошением выдать ей грамоту, закрепляющую в вечную собственность монастыря отведенные ему земельные участки под церковь, кладбищем, домами священнослужителей, «дабы обитель, имея оную у себя, была навсегда безопасна со стороны могущих в последствии времени возникнуть от кого-либо на места к ней отведенные несправедливых притязаний»⁹³.

Это вызвало новый тур переписки между Синодом, Министерством финансов, начальником Екатеринбургских горных заводов и матушкой Таисией, длившийся вплоть до декабря 1821 г. Начальник горных заводов соглашался закрепить за монастырем место под церковь, но не место под кладбищем — ссылаясь на то, что оно должно быть впоследствии перенесено далее за черту города, и не места, отведенные под дома священников и монастырских служителей — поскольку обитель использует их не по назначению⁹⁴.

Другую проблему — выделение строевого и дровяного леса — монастырю удалось решить значительно быстрее. По просьбе матушки Таисии князь Александр Голицын ходатайствовал перед министром финансов о беспопытном отпуске леса монастырю и 14 марта 1821 г. уведомил игумению о благоприятном решении: «...во уважение представляемых Вами нужд, кои претерпевает обитель в своем содержании», министерство согласилось отпускать в пользу монастыря такое количество леса без попенных денег, какое отпускалось в предшествовавшие годы (на 93 руб. 50 коп. в год)⁹⁵.

⁹² Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 52–58 об.

⁹³ Там же. Л. 33–34 об.

⁹⁴ Там же. Л. 67–68, 70–71 об.

⁹⁵ Там же. Л. 28–28 об.

Разработка монастырского устава

Но не только материальные заботы занимали мысли игумении. Она верила в необходимость продуманного общежительного устава для монастыря, видя в нем основу стабильности иноческой жизни. Она по-прежнему была привержена Саровскому уставу, но, вероятно, опыт жизни по нему екатеринбургской общины, да и советы уважаемых ею представителей духовенства привели игумению Таисию (Костромину) к мысли о необходимости некоторых изменений.

Устав настоятельница желала утвердить законодательно. Еще до отъезда в Петербург 4 апреля 1819 г. она подала прошение на имя епископа Иустина о благословении ее на составление устава, «могущего послужить к вящему поддержанию нравственностей у находящихся в обители сестр, и чрез то избавится духовное начальство [от] неприятных переписок с обителью»⁹⁶. Свое благословение епископ подтвердил указом 15 апреля того же года, которым рекомендовал настоятельнице составить устав «с помощью и советом мудрых и благочестивых мужей и представить мне на рассмотрение»⁹⁷.

Согласно сведениям конца XIX — начала XX в., устав для уральской обители по просьбе матушки Таисии составил архимандрит Александро-Невской лавры Герасим. Однако найти упоминания о нем нам не удалось: в известных ныне списках наместников лавры (настоятелями ее числились архиепископы или митрополиты Петербургские) такого имени не значится. Наместником лавры в 1810–1819 гг. был архимандрит Гедеон (Федотов), а в 1819–1828 гг. — архимандрит Товия⁹⁸.

Кроме Саровского было использовано еще два устава — Валаамский и Александро-Невский. Их выбор неслучаен.

Связь Валаама и Саровской пустыни в 20-е гг. XIX в. не была забыта. В 1781 г. саровского иеромонаха Назария специально перевели на Валаам и назначили строителем, чтобы установить там общежительные порядки. В 1804 г. он вернулся в Саров, и прибывший вместе с ним ученик Иларион стал впоследствии духовником пустыни. Валаамская обитель была возведена в 1 класс с сохранением общежительных порядков именным указом от 2 апреля 1822 г.⁹⁹ — вероятно, игумения Таисия общалась в Петербурге с настоятелем или кем-то из

⁹⁶ Дело по доношению Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского, с представлением устава, составленного Екатеринбургской Новотихвинской женской обители настоятельницей игуменьей Таисией и с замечания на оный архимандритом Афонасием и игуменом Иннокентием // РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 1.

⁹⁷ Там же. Л. 1 об.

⁹⁸ Дело о ревизии Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря, 1903 г. // ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 165. Л. 23; *Иконников В.* Историческое описание... С. 29; *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1997.

⁹⁹ ПСЗРИ-1. Т. XXXVIII. № 28990.

монашествующих этого монастыря, пока решался вопрос о статусе и Валаамского, и Ново-Тихвинского монастырей.

Живы были и контакты Валаама с Александро-Невской лаврой: игумен Валаама Иннокентий (1801–1823 гг.) десять лет прожил в лавре¹⁰⁰, и несомненно, связи между этими двумя обителями оставались достаточно тесными во время его настоятельства.

Вероятно, матушка Таисия довольно часто бывала в Александро-Невской лавре еще во время первой поездки в Петербург. Ее прошение о постриге в 1810 г. составил служитель лавры Алексей Максимов¹⁰¹. Значима была эта обитель и для благодетеля игумении Таисии (Костроминой) — адмирала Ушакова: в лавре несколько лет был послушником, а в 1748 г. принял постриг с именем Феодор его дядя — Иван Игнатьевич (ныне причислен к лику святых), впоследствии уехавший сначала в Саровский монастырь, а потом в Санаксарский¹⁰².

В Александро-Невской лавре закончили работу над уставом осенью 1820 г. Желая заручиться поддержкой епархиальных властей, проект 8 октября переслали в Пермь на рассмотрение епископа Иустина.

Устав был прислан при доношении игумении Таисии и получен в Перми 10 ноября 1820 г. Само доношение ныне не найдено, но оно было изложено впоследствии в рапорте епископа Иустина в Синод. Согласно этому изложению, Таисия указала, что устав составлен ею, а об участии других лиц в его разработке не упоминала, хотя отметила, что «при изложении его руководствовалась она, игуменья Таисия, Словом Божиим, Правилами Святых Соборов и Отец и советами благочестивых и просвещенных в духовной жизни мужей, применяясь в особенности, поколику возможно, к общежительному уставу в Саровской пустыне существующему».

В этом же послании игумения сделала пояснение, «что сей устав, должствующий быть правилом и порядком для внутренней монашеской жизни в обители, обязаны будут настоятельница и сестры сохранять во всей точности во славу Божию и во свое спасение, нарушение же сего устава взыскивается и исправляется властью и благоразумием настоятельницы приватно, без всякого к высшему начальству отношения».

В доношении игумения сообщила о своем намерении «для вящей непоколебимости и твердости» представить устав на утверждение в Синод, раскрыв и

¹⁰⁰ Иконников В. Историческое описание... С. 29; Валаамский монастырь и его святыни в период расцвета и благосостояния обители. Л., 1990, С. 19, 29, 32, 33, 35, 41, 67, 72, 84, 88–103, 147–150, 152, 155, 158; Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии // Старцы Глинской пустыни. Б. г., б. м. Репр. с изд. 1905 г. С. 92.

¹⁰¹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 207–208.

¹⁰² Овчинников В. Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина. М., 2003. С. 365.

глубинный смысл своей особой заботы об уставе: в штатном монастыре, статуса которого добивались насельницы, настоятельница назначал Синод, матушка же Таисия желала сохранения сложившихся в обители традиций, залог чего видела в том, чтобы настоятельница избирались самими сестрами из числа насельниц этой обители, как и принято было в монастырях общежительных¹⁰³.

Ознакомившись с уставом, епископ передал его ректору Пермской семинарии архимандриту Афанасию и инспектору игумену Иннокентию¹⁰⁴. Оба они, несомненно, были людьми образованными и знающими порядок монастырской жизни по личному опыту.

Архимандрит Афанасий родом был великороссиянин, сын священника, 1783 г. рождения, в 14 лет поступил в Тобольскую семинарию, в которой и находился до 1801 г., изучая русскую грамматику, катехизис, арифметику и начала латинского языка. После этого он перешел в Оренбургскую семинарию и до 1807 г. изучал поэзию, риторiku, историю, географию, красноречие, философию, богословие, латинский, греческий и немецкий языки. Закончив семинарию, стал учителем в ней же и преподавал греческий язык и синтаксис, в 1809 г. — поэзию, с 1809 г. был назначен толкователем Евангелий и катехизиса, инспектором семинарии и учителем красноречия; в 1811 г. был определен учителем риторики, а потом и философии. В 1812 г. он был назначен префектом Оренбургской семинарии; принял постриг и был посвящен в иеромонаха, определен членом Оренбургской консистории и толкователем Святого Писания. Продолжая свою деятельность в семинарии (где был определен еще и учителем богословия), в 1813 г. был произведен в архимандрита и назначен настоятелем Уфимского Успенского третьеклассного монастыря. В 1815–1816 гг. он был ректором Оренбургской семинарии. Из Оренбургской епархии в 1818 г. переведен ректором Пермской семинарии и настоятелем Верхотурского монастыря. Пермскую семинарию архимандрит Афанасий возглавлял до 1828 г., когда по состоянию здоровья и результатам ревизии был уволен от должности. Членом Пермской консистории состоял с 1818 по 1837 г., Верхотурский монастырь возглавлял вплоть до своей кончины в 1844 г.¹⁰⁵

¹⁰³ Дело по доношению Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 2.

¹⁰⁴ Иконников В. Историческое описание... С. 29; Дело по доношению Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 2.

¹⁰⁵ Ведомость о настоятеле, монашествующих и послушниках Верхотурского Николаевского монастыря за 1841 г. // ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 234. Л. 214 об. – 216; Баранов В. С. Летопись Верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря (Екатеринбургской епархии) в связи с историческим сказанием о житии св. праведного Симеона Верхотурского Чудотворца. Издание братства Симеона Верхотурского чудотворца, 1991. С. 270; История Пермской семинарии после преобразования ее, бывшего в 1818 году // Пермские Ев. 1870. Отд. неоф. № 7. С. 85–87; № 15. С. 200; № 40. С. 473; № 44. С. 515.

Инспектор Пермской семинарии игумен Соликамского Троицкого монастыря Иннокентий — еще один рецензент ново-тихвинского устава — был человеком неординарной судьбы. Родился он в 1779 г. в семье дьячка с. Шерьинского Оханского уезда Максима Коровина. Когда мальчику исполнилось 7 лет, отец отвез его в училище в Вятку, совершив, по бедности своей, 400-верстный путь от Нытвы до Вятки зимою, пешком и везя сына за собой в салазках. При открытии епархии в Перми в 1800 г., Иаков Коровин был переведен певчим к первому епископу Иоанну и доучивался в новооткрытой семинарии¹⁰⁶. По выходе из семинарии он вздумал жениться на одной девице дворянского звания, которая сначала дала было ему слово, но потом отказалась вследствие дворянского гонора ее родных. Тогда Коровин пошел с горя в монахи¹⁰⁷, и в 1811 г.¹⁰⁸ назначен был игуменом Соликамского Истобенского монастыря¹⁰⁹. В монастыре он бывал нечасто, поскольку основное время должен был отдавать своим обязанностям по семинарии, где он был не только инспектором с 1818 по 1824 г., но и учителем истории, пиитики, риторики, грамматики¹¹⁰.

Пермскому инспектору была суждена значительная судьба, и своим возвышением он обязан был своему нетрусливому характеру и благодарности крупного государственного деятеля России графа Сперанского. Пермские старожилы рассказывали, что во время ссылки М. М. Сперанского в Пермь в 1812–1814 гг. он жил на квартире у купца Н. А. Попова, в приятельских отношениях с которым находился игумен Иннокентий, который и жил во флигеле дома Попова. Игумен не побоялся проявлять искреннее расположение к опальному генералу, бывая у него в гостях и приглашая к себе, и даже смог внушить уважение к нему своим семинаристам, которые проявляли исключительную вежливость, встречаясь с ним в городе.

Когда ссылка закончилась и М. М. Сперанский собрался уезжать, 19 сентября 1814 г., как рассказывали пермские старожилы, «весь губернский синклит с губернатором во главе явился к отъезжающему сановнику для пожелания благополучного пути; из посторонних находились тут один из пермских помещиков Х. Я. Лазарев и игумен Иннокентий. Проводы были за заставу. Здесь Михайло Михайлович, вышедши из экипажа, поблагодарил компанию за честь, ему сделанную, перецеловался со всеми, и садясь снова в экипаж, взял за

¹⁰⁶ В семинарии он обучался до 1805 г.

¹⁰⁷ Монашеский постриг Яков Коровин принял в 1808 г.

¹⁰⁸ По другим данным, с 1813 г.

¹⁰⁹ Дмитриев А. Пребывание Сперанского в Перми // Русский вестник. 1869. № 8. С. 748–749; История Пермской семинарии... // Пермские Ев. № 45. Отд. неоф. С. 532–533.

¹¹⁰ Словцов И., прот. Соликамско-Истобенский, Свято-Троицкий, третьеклассный мужеский монастырь // Пермские Ев. 1870. № 3. Отд. неоф. С. 27–28; История Пермской семинарии... // Пермские Ев. № 7. Отд. неоф. С. 85.

руку игумена и сказал: “Прощайте, добрейший отец! Если я буду со временем счастлив, и Вы будете счастливы”. Скромный инок на сей раз не придал никакого особенного значения этим словам, но чрез несколько лет вспомнил о них, когда без всяких протекций со стороны высших духовных властей, получив сперва сан архимандрита и должность ректора Псковской семинарии¹¹¹, вскоре за тем возведен был на кафедру викарного епископа в Москве и наконец сделан архиепископом на Волыни»¹¹².

Архимандрит Афанасий и игумен Иннокентий в марте 1821 г. представили епископу Иустину свое мнение об уставе, впрочем, достаточно краткое и формальное. Они отметили, что устав не противоречит церковным правилам и монастырским уставам, предложили передать его на обсуждение самих насельниц обители и порекомендовали четче прописать порядок отчетности монастыря в консисторию относительно церковных и монастырских сумм¹¹³.

После получения этого отзыва владыка сам дважды прочитал устав и, надо признать, весьма внимательно, свидетельством чему стали его замечания о замеченных «недостатках и излишествах». Сводились его замечания к необходимости четче прописать обязанности настоятельницы, казначеи, священника и причетника, убрать из текста неуместные ссылки на Священное Писание, мелочную регламентацию быта насельниц и не обременять очень занятых послушаниями сестер непременным присутствием на церковных службах и чрезмерными поклонами¹¹⁴.

С этими замечаниями епископ вновь передал устав на рассмотрение архимандрита Афанасия и игумена Иннокентия, и они 27 мая того же года представили уже более развернутый отзыв на текст устава, отметив, что он не противоречит церковным узаконениям, но принят может быть только с согласия сестер монастыря и с прописанием безусловной покорности насельниц не только уставу, но и всем распоряжениям епархиальных властей, Синода, государственных законов и церковным правилам¹¹⁵.

¹¹¹ В 1824 г. (см.: История Пермской семинарии... // Пермские Ев. № 45. Отд. неоф. С. 531).

¹¹² *Дмитриев А.* Пребывание Сперанского... С. 748. Иннокентий стал викарным епископом Дмитровским, потом епископом Курским, и наконец, архиепископом Волынским и архимандритом Почаевской лавры. Последним его назначением стала архиепископская кафедра в Орле, но по дороге туда он скончался от апоплексического удара (см.: *Словцов И., прот.* Соликамско-Истобенский... // Пермские Ев. 1870. № 3. С. 28; История Пермской семинарии... // Пермские Ев. № 45. Отд. неоф. С. 533).

¹¹³ *Иконников В.* Историческое описание... С. 29–30; Дело по доношению Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 2.

¹¹⁴ Замечания были высказаны в письме епископа к игумении Таисии от 10 марта 1821 г. и воспроизведены в рапорте епископа в Синод от 1 июня 1821 г. (Дело по доношению Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 2. об. – 3).

¹¹⁵ Там же. Л. 3–3 об.

1 июня епископ Иустин представил в Синод текст устава с их замечаниями¹¹⁶, которые перекликались с его собственными, несколько уточняя правила общежития в обители. Так, например, рецензенты полагали возможным допустить в обители личную собственность, аргументируя это тем, что «могут из сестер быть одни трудолюбивее других, также заниматься одни пред другими важнейшими рукоделиями, и потому не мешает дозволить иметь и собственность, приобретенную собственными честными трудами». Считали они возможным разрешить послушницам, только поступившим в монастырь, в течении первого года своего искуса еще не передававшим свое имущество в монастырскую казны (поскольку не были уверены в том, что останутся в обители) использовать свое имущество на благотворительные цели¹¹⁷. Рецензенты рекомендовали четче указать и те вопросы, которые подлежат власти не одной настоятельницы, но и совместному решению ее с казначеей и старейшими сестрами.

Эти замечания с краткими цитатами из первоначального текста — все, что дошло до наших дней от уникального документа, устава Ново-Тихвинского монастыря, единственного известного на Урале в XIX — начале XX в. Все остальные монастыри если и принимали устав, то брали уже существующие в монастырях Центральной России образцы.

Даже составлявшие этот устав лица сомневались в том, нужен ли он будет монастырю, возводимому в штат, поскольку общежительные нормы, положенные в основу устава, как правило не применялись в обителях штатных, где казенные суммы распределялись как жалование между сестрами. И лишь матушка Таисия отстаивала свой, особый, написанный именно для ее обители общежительный устав, который впоследствии стал основой монашеской жизни и в других женских монастырях Восточного Урала¹¹⁸.

Узнав о присланном в Синод мнении епископа Пермского с замечаниями к уставу, она в ноябре 1821 г. подала прошение на Высочайшее имя, в котором просила устав утвердить, поскольку, как она писала, «я, с согласия всех сестер вверенной мне обители, желаю в общую пользу оных сестер руководствоваться изложенными правилами в оном уставе, по примеру прочих общежительных монастырей». Больше всего игуменю заботило заложенное в уставе правило

¹¹⁶ Замечания были высказаны в рапорте архимандрита Афанасия и игумена Иннокентия епископу Иустину от 27 мая 1821 г. и воспроизведены в рапорте епископа в Синод от 1 июня 1821 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 5–8).

¹¹⁷ Впоследствии в монастырских документах таких послушниц обычно называли «живущими по билетам», то есть получившими временные паспорта от своих гражданских властей, но еще не причисленными официально к сестричеству.

¹¹⁸ Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1910. № 7. Отд. неоф. С. 166; Штейнфельд Н. П. Исторический очерк... С. 12–14.

избрания настоятельницы из числа насельниц именно этого монастыря, с последующим утверждением Синодом по представлению епархиального начальства¹¹⁹.

Последняя редакторская правка была поручена глинскому строителю Филарету, как раз оказавшемуся в Санкт-Петербурге с аналогичным ходатайством об утверждении общежительного устава, написанного им для своей пустыни¹²⁰.

Игумен Филарет (Данилевский; 1773–1841) возродил Глинскую Рождество-Богородичную пустынь, основанную в конце XVI в. Кроме устава для своей пустыни, разработанного им на основе Афонского и принятого впоследствии в 5 мужских и 6 женских монастырях, он составил 3 устава для женских монастырей (Екатеринбургского, Борисовской пустыни Курской епархии и Уфимского Благовещенского) и «Пространное поучение к новопостриженному монаху», напечатанное в 1824 г. и разосланное по всем епархиям¹²¹.

Возведение в штат и утверждение устава

1 июня 1821 г. кроме рапорта о замечаниях к уставу монастыря епископ Пермский составил рапорт в Синод с изложением своего мнения о целесообразности возведения обители в штат первого класса. Кратко изложив основные вехи истории обители, подробно описав имеющиеся постройки монастыря, источники доходов, занятия сестер, отведенные земельные участки, он пришел к заключению о своевременности и желательности утверждения монастыря в качестве штатного: «...Екатеринбургская Ново-Тихвинская женская обще-

¹¹⁹ Дело по доношению Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 10–10 об.

¹²⁰ Сестры Екатеринбургского монастыря составителем своего устава считали Герасима, не упоминая о вкладе в его разработку строителя Филарета (см.: Дело о ревизии... // ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 165. Л. 23). В жизнеописаниях Филарета (Данилевского) авторство устава приписывается ему, а первоисточники — уставы трех монастырей — не упоминаются, отчего создается впечатление, что он основывался на Глинском уставе (см.: Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии // Старцы Глинской пустыни. Б. г., б. м. Репр. с изд. 1905 г. С. 70–76, 92; *Иоанн (Маслов), схиархим*. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI–XX веках. М., 1994. С. 178). Однако даже при решении вопроса об утверждении Глинского устава существенным его достоинством сочтено было сходство с Валаамским, сам строитель Филарет весьма почтительно относился к Серафиму Саровскому и не мог просто отмести составленный проект и замечания местных властей к нему. Во время ревизии обители в 1903 г. следователи имели возможность свериться с архивом монастыря, лично расспросить настоятельницу, запрашивали соответствующие дела из епархиального архива и в отчете о ревизии, просмотренном игуменией, указали, что устав составлен на основе правил Сарова, Валаама и Александро-Невской лавры (см.: Дело о ревизии... // ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 165. Л. 23). В брошюре, изданной в Санкт-Петербурге в 1892 г., ошибочно указано, что в 1822 г. сохранен Саровский устав (см.: *Керский С.* Новотихвинский монастырь в городе Екатеринбурге. СПб., 1892. С. 5).

¹²¹ *Иоанн (Маслов), схиархим*. Глинская пустынь... С. 178–179; *Маслов Н. В.* Православное учение о спасении по трудам глинских старцев. М., 2002. С. 17–42.

жительная пустынь в возведении обширных зданий, большею частью каменных, могущих поместить в себе от 150 до 200 монахинь или сестр, доведена до такого устройства и совершенства в самое краткое время одними токмо добродетельными от усердных людей подаяниями и вкладами, а поддерживались в сем устройстве и содержании обитающих в ней монахинь и сестр введенными в оную от настоятельницы игуменьи Таисии рукоделами и хозяйственными распоряжениями. Напротив, со стороны екатеринбургских гг. чиновников и прочих граждан, при начальном устройении сей пустыни обязавшихся в нуждах ее оказывать всевозможные пособия, нетокмо оных не оказано, но и совершенно от того, как из отзывов Екатеринбургской градской думы видно, они отказались... Подобным образом и кладбищенская каменная церковь построена иждивением же пустыни, а не обязавшимися на сие заведение купцами Калашниковым и Мартыновым и мещанином Бронниковым. По каковому непостоянству екатеринбургских граждан и на будущее время никаких пособий для поддержания пустыни от них ожидать неможно, равным образом и на посторонние пособия от добродетельных подаяний и вкладов, которые при новом токмо учреждении пустыни могли быть значительны и важны, не остается впредь довольной надежды. Того ради во избежание затруднительных и бесполезных с Екатеринбургскою градскою думою и прочими присутственными местами и начальствами переписок и во отвращение пустыни, толикого иждивения и трудов стоящей, от могущего последовать оной упадка и самого разрушения, мнением моим полагаю:

1-ое) по наименованию в Пермской епархии кроме означенной Ново-Тихвинской женской общежительной пустыни других женских штатных и заштатных монастырей и по обширному устройству оной и заведениям [имеющимся в ней. — М. Н.], возвесть оную в первоклассный штатный девичий монастырь на том самом положении и содержании, на каком существует первоклассный Залесский Успенский девичий первого класса монастырь, что в Александровой Слободе, с тем токмо различием, чтоб по не состоянию близ Екатеринбурга мужеских монастырей вместо духовника из иеромонахов определен был к сей пустыни протопоп, а вместо 10 человек монастырских служителей определить к ней оных 15 человек. 2-е) места, Главною Ек[атеринбург]ских заводов конторою отведенные под дома священно- и церковнослужителей и монастырских слуг, также и для кладбища болотное на 24 десятинах и 1300 сажнях пустопорожнее место утвердить за оною пустынею в вечное владение. 3-е) По именному Высочайшему 1797 года декабря 18 дня указу наградить оную пустынь из оброчных статей надлежащую первоклассному женскому монастырю пропорциею пашенной и сенокосной земли, рыбными ловлями и мельницею¹²². 4-е) Деньги 2000 ру-

¹²² По указу 1797 г. всем монастырям, как штатным, так и заштатным, полагалось отвести от государства по 30 десятин земли, небольшое озеро и пруд для рыбной ловли, мельницу. Кроме

блей из Екатеринбургской градской думы возвратить в пустынь или оставить оные на том самом положении, на каком оные теперь состоят в той думе; то есть: чтоб получать за них из думы в пользу пустыни ежегодно по 300 рублей и 5-е) поелику в Пермской епархии, по числу церквей невеликой, по верхнейшему исчислению оказалась невероятное множество вдовиц и сирот, и именно 1193 вдовицы и сироты женского пола и мужеского пола 175 человек, которые просьбами своими беспрестанно меня приводят в затруднение в доставлении им средств и способов к пропитанию их, каковых я в здешней епархии удобными не имею, ибо церкви здесь большею частью заводские, казенные и помещичьи, при которых жалованье и содержание священно- и церковнослужителям всегда производится наличным, а зачисленным на места в оном отказывают и не производят. В показанной же Ново-Тихвинской пустыни... имеется довольно домов и в них келий или покоев. То я в некоторое пособие вдовам и сиротам женского пола необходимо нужным нахожу в означенной пустыни сверх монашествующих учредить сиротский дом на 100 человек вдовиц и сирот, в которой принимать их на собственном их содержании с тем, чтобы каждая вдовица и сирота, ежели имеет какое имение или деньги, при вступлении своем в оный сиротский дом полагала то имение и деньги в общественную кассу с запискою в шнурозапечатанную книгу, которая дана будет от консистории, и чтобы, находясь в сем доме, занимались под руководством настоятельницы рукоделиями и другими приличными им трудами для получения чрез то содержания своего; а малолетние сироты, кроме рукоделий, обучались бы чтению душеполезных и спасительных христианских книг и поучений при наставлении и изъяснении протопопа или иереев. Когда же сии малолетние сироты придут в совершеннолетний возраст и пожелают оставить оный дом, то не возбранять им в сей свободе, однако с тем, чтоб по исходе тотчас посягали в замужество с должным по их поведению и трудолюбию из доходов сиротского дома награждением»¹²³.

В возведении монастыря в I класс епископ видел не только практическую пользу для обители и епархии в целом, но и символическое патриотическое значение: «Наконец, самую важнейшую и убедительнейшую причину к возведению вышепоказанной пустыни в первоклассный монастырь и к учреждению в ней сиротского дома полагаю то, что приобретение Сибири, страны обширной и богатой, и присоединение оной к Российской Державе есть единственное и особенное любезному Отечеству нашему благодеяние и благоволение Вышняго. А гора Урал, обилующая золотыми, медными и железными

этого (еще по штатам 1764 г.) первоклассным монастырям полагалось по 9 десятин сенокосной земли (ПСЗРИ-I. Т. XVII. № 12060, Т. XXIV. № 18273; *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей. (Опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905. С. 155–157).

¹²³ Материалы для истории... // Екатеринбургские Ев. 1910. № 5. Отд. неоф. С. 131–133.

рудниками, также драгоценными цветными камнями и других разных пород ископаемыми произведениями, наипаче обогащает и поддерживает благосостояние, величие и славу Отечества нашего. На сей горе возвышающийся град Екатеринбург заключает собою как бы врата в богатую и доселе еще не везде обозримую Сибирь — достойно убо будет и праведно на сей горе Уральской в знак благодарения Богу благодетелю нашему и в честь и славу Пресвятыя Богородительницы и Приснодевы Марии восставить означенную пустынь в первоклассный монастырь, с наименованием тако: Горо-Уральский Новотихвинский девичий первого класса монастырь, что в городе Екатеринбурге. Пусть каждый россиянин, входя и проходя чрез сии врата во страну Сибири, взирает на сию святую обитель, яко [на] памятник, воздвигнутый Отечеством нашим в благодарение и славу Великого Бога, благоговет пред ним Всевышним и исполняется за благодеяния Его чувством благодарным»¹²⁴.

По рапорту епископа Пермского и прошениям матушки Таисии Синод 20 января 1822 г. составил доклад императору о возведении Ново-Тихвинского монастыря в первоклассный штатный. 12 мая именным указом монастырь был возведен в I класс на представленных основаниях. На следующий день был утвержден штат монастыря сообразно предложению епископа, согласно которому на содержание обители ежегодно должно было выделяться из казны 3 791 руб. 40 коп.¹²⁵

5 мая того же года Синод постановил благословить употребление в обители составленного устава «с согласия монахинь и сестр оной, как ныне, так и впредь», однако с тем условием, что «как в оном уставе по замечаниям рассматривавших оный не все изложены обязанности игуменьи, монахинь и сестр, то бы сверх сего устава во всем касающемся до монастырского управления поступало было по правилам Св. Апостол и Отец, Духовному Регламенту, указам из Святейшего Синода и прочим существующим на сей предмет узаконениям»¹²⁶.

Так уральский монастырь, фактически существовавший 26 лет, стал одним из первых в России. Его организационные и духовные основы были упро-

¹²⁴ Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 40 об. – 47 об.

¹²⁵ ПСЗРИ-I. Т. XXXVIII. № 29037, 29051; Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III. С. 86; Дело по рапорту Иустина, епископа Пермского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 40 об. – 47 об., 87–97, 99–109 об., 121–122; Копия доклада Синода императору от 20 января 1822 г. // ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2193. Л. 33–42; Указ Пермской консистории осинскому благочинному протоиерею Иоанну Сапожникову от 26 сентября 1822 г. // ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 27. Л. 509–513; Указ Пермской консистории в домовую казначейскую контору епископа Пермского Иустина от 26 сентября 1822 г. // ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 128. Л. 195–199. Соответствующий указ Синода был издан 22 мая (Иконников В. Историческое описание... С. 31).

¹²⁶ Дело по доношению Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского... // РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 12 об. Указ Синода о благословении устава был издан 15 мая. Согласно утверждению В. Иконникова, по епархии этот указ был разослан 22 сентября, однако судя по архивным документам, только 16 декабря 1822 г. Синод постановил «дать знать» епископу Пермскому о разрешении использовать устав (Там же. Л. 12 об.; Иконников В. Историческое описание... С. 31).

чены утверждением устава и авторитетом основательницы — игумении Таисии. Его материальные основы были утверждены статусом штатной обители и назначенным монастырю содержанием.

В конце мая 1822 г. матушка Таисия получила рекомендательные письма от обер-прокурора и первоприсутствующего члена Синода.

5 ноября она предстала перед епископом Пермским. Таисия прибыла и с дарами, и с известиями о новых покровителях обители.

Еще в столице она получила два рекомендательных письма к епископу Иустину. Одно из них было написано 26 мая 1822 г. обер-прокурором Синода князем П. С. Мещерским: «Екатеринбургского женского монастыря игумения Таисия, кончивши свои здесь по монастырю дела, отправляется в свою обитель. Покорнейше прошу Ваше Преосвященство принять ея и обитель в Ваше покровительство и не оставлять архипастырскими Вашими наставлениями и милостями. — Что я вменю себе в особенное одолжение»¹²⁷.

Другое письмо было написано 16 июня того же года первоприсутствующим членом Синода митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Серафимом (Глаголевским): «Бывшая в С[анкт]-Петербурге Екатеринбургского девичьего монастыря игумения Таисия и ныне по совершенном исполнении всех до монастыря ея касающихся надобностей возвращающаяся в место своего пребывания просила меня, чтоб я употребил ходатайство у Вашего Преосвященства о принятии обители ея в Ваше покровительство, и о вспомоществовании ей в поддержании общежития.

Поелику же сия госпожа игумения честным своим во время ея здесь жительства поведением и примерным к обители святой усердием приобрела особенное себе у Государя Императора и всей Августейшей Его фамилии благоволение, ознаменованное весьма значительным в пользу ея обители вкладом, то я долгом себе поставил просить Ваше Преосвященство, дабы Вы благоволили обратить на сию добрую и благочестивую старушку с сестрами ея особенное Ваше внимание и оказать ей пособие в поддержании общежития в обители ея, о котором и в указе Св. Синода упомянуто»¹²⁸.

О высочайшем вкладе в обитель матушка донесла епископу отдельным рапортом от 10 ноября, приложив к нему копии рескриптов и описей подаренного.

Пожертвование было сделано в 1821–1822 годах императором Александром I, его супругой императрицей Елизаветой Алексеевной и матерью вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Уральские церкви и монастыри не столь часто получали высочайшие дары, и Пермская консистория, явно по желанию матушки Таисии, решила организовать высокотожественную церемонию их встречи в Екатеринбурге: «Драгоценная утварь, от щедрот монарших

¹²⁷ Цит. по изд.: Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1910. № 7. Отд. неоф. С. 163.

¹²⁸ Там же. С. 163–164.

пожалованная Новотихвинской женской обители, яко дар по редкости своей весьма важный, долженствует быть внесена в обитель с подобающим благоговением и прилично священной церемониею. Почему для вящего ознаменования к высокомонаршим милостям одному из присутствующих Екатеринбургского духовного правления, именно протоиерею Вологодскому, предписать, чтобы он по соглашению с игумениею монастыря, известив предварительно начальника Екатеринбургских заводов и обвествив священно- и церковно-служителей города Екатеринбурга в известный какой[-]либо на то назначенный день, при колокольном благовесте пред литургиею внес пожалованные священные вещи в обительскую церковь и по освящении оных и по совершении св[ятой] литургии принесли Господу Богу о здравии Императора и его Августейшего Дома благодарственное молебствие, о чем и предписать протоиерею Вологодскому указом»¹²⁹.

Торжество было назначено на 12 декабря — день рождения императора Александра I. Екатеринбургское духовное правление предписало 4 декабря городскому духовенству поучаствовать в процессии установленным порядком: «...при внесении в здешнюю Новотихвинскую обитель даров, пожалованных от Их Императорских Величеств, отправить при церквах своих ранние литургии, а когда начнется при Богоявленской церкви благовест, то во время оногo принести вам от каждой церкви хоругви со звоном, да и по выходе из Богоявленской церкви продолжить оный до тех пор, когда уже взойдут в самую обитель с хоругвями; равно и по отправлении после литургии в обительской церкви благодарственного молебствия поступить подобным же образом»¹³⁰.

Церемония внесения в монастырь высочайших даров была детально продумана и исполнена со всей торжественностью. Зрелище оказалось весьма впечатляющим для Екатеринбурга и о нем решено было не только довести до сведения епископа и Синода, но и представить подробное описание процессии самой императорской семье в знак глубочайшей благодарности. Копии описания были доставлены обер-прокурору и митрополиту Серафиму¹³¹, тщательно хранились в архиве самой обители. После того как на Урале появились местные газеты, это описание даже было дважды опубликовано (второй раз — к 80-летнему юбилею возведения обители в I класс, в 1902 г.). Эта выразительная картина церковного праздника приводится нами в приложении.

Подводя итоги, можно отметить, что возведение Ново-Тихвинского монастыря в штатный первого класса стало признанием обители в качестве одной из наиболее благоустроенных и зарекомендовавших себя достойным образом жизни в стране. Игумении Таисии удалось убедить епархиальные и синодальные власти в необходимости особого специально разработанного для мона-

¹²⁹ Цит. по изд.: Материалы для истории... // Екатеринбургские ЕВ. 1910. № 7. Отд. неоф. С. 164–165.

¹³⁰ Цит. по: Там же. С. 165.

¹³¹ Там же. С. 165–166.

стыря общежительного устава, который обобщил опыт 26-летнего существования женской монашеской общины в Екатеринбурге и стал основой преемственности традиции монашеской жизни на будущие десятилетия не только в самой Ново-Тихвинской обители, но и в целом ряде женских общин, возникших в Зауралье вслед за женским монастырем в Екатеринбурге.

Осознание необходимости возведения монастыря в число штатных стало итогом непростого опыта взаимоотношений обители с городским социумом, горнозаводскими и городскими властями. Этот опыт показал, что содействие мирян монастырю носило достаточно ограниченный характер. Поэтому для дальнейшего стабильного и динамичного развития монастыря было актуально получить статус штатного с полагающимся по законодательству отводом земли под строения и хозяйственные нужды и с отпускаемым от государства, а не от городского сообщества, содержанием.

Ново-Тихвинский монастырь, получив положенные по штату средства на содержание, взял на себя и миссию призрения вдов и сирот (особенно из семей духовного сословия), обучения детей, что соответствовало и желанию самих насельниц, и епархиальных властей, и в целом общественным ожиданиям, которые возлагались на монастыри в XIX в.

Впечатляющая картина динамично растущего екатеринбургского монастыря с быстро увеличивающейся численностью насельниц, занятых на различных послушаниях, ведущих трудовой образ жизни, благоукрашающих обитель храмами и плодами своих рукоделий, живущих по общежительному уставу резко контрастировала с большинством мужских монастырей того времени, имевших малочисленную братию, не стремившуюся обзавестись хоть каким-то хозяйством и благотворительными учреждениями, а довольствующуюся штатным жалованием. Ново-Тихвинский монастырь был новым не только по времени своего появления, но и по духу. Его история убедительно показывала, что у женского монашества, особо пострадавшего от секуляризационной реформы 1764 г., есть возможность возродиться в условиях модернизирующегося российского общества XIX в. и обеспечить свое существование.

Описание священной церемонии, происходившей в Екатеринбурге 1822 года декабря в 12 день по случаю внесения в Ново-Тихвинский перво-классный девичий монастырь пожалованной Их Императорскими Величествами ризницы и драгоценной утвари¹³²

Тысяча восемьсот двадцать второго года, декабря во второй на десять день в Екатеринбургский Ново-Тихвинский первого класса общежительный девичий монастырь внесена пожалованная от Его Императорского Величества всемилостивейшего государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского для церкви монастырской: крестовая зеленого бархату ризница, одежды на престол и жертвенник с покрывами и воздухи, полное облачение для протоиерея, двух священников, диакона и двух псаломщиков; палица и набедренник; две одежды для аналогиев и одежда на столик под благословение хлебов, с пеленами; все по приличию обшитое богатым серебряным гасом и таковыми же у воздухов и пелен кистями. От щедрот Их Императорских Величеств государынь: императрицы Елисаветы Алексиевны сребропозлащенные сосуды со всеми принадлежностями к священнодействию, из коих потир украшен драгоценными камнями и бриллиантами, и дородоровые воздухи, обшитые золотым позументом и таковыми же кистями; императрицы Марии Феодоровны — Священное Евангелие и крест, украшенный драгоценными камнями.

По донесении от настоятельницы монастыря игуменьи Таисии о получении означенной священной утвари от монарших щедрот на благорассмотрение Пермского епархиального начальства, оное с благословения Преосвященнейшего Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского и Кавалера, определило: драгоценную оную утварь, как дар по редкости своей весьма важный, для большего ознаменования уважения к высокомонаршим милостям, внести в Ново-Тихвинский монастырь с подобающим благоговением и священной церемониею.

Вследствие чего указом Пермской духовной консистории велено Екатеринбургского духовного правления присутствующему Богоявленской церкви протоиерею Николаю Вологодскому, дабы он с согласия настоятельницы монастыря, назначив к тому особенный день, при колокольном звоне пред литургиею со всем духовенством внес пожалованные священные вещи в монастырскую церковь и освятил. Для исполнения сей церемонии назначен был день рождения Его Императорского Величества, второе на десять число декабря, о чем от протоиерея предварительно уведомлен г. горный начальник Екатеринбургских заводов и Кавалер Осип Самсонович Осипов, гг. чиновники и граждане извещены чрез управу благочиния, а градское и уездное духовенство ближайших к городу церковей оповещено от духовного правления.

В навечерии оного высокаторжественного дня драгоценная утварь из монастыря доставлена в Богоявленскую церковь и разложена приличным образом на приуготовленные блюда, которые и поставлены среди церкви на столиках, пристойно украшенных.

¹³² Текст приводится по одноименному изданию, вышедшему вторым изданием в 1902 г. в издательстве газеты «Урал» в Екатеринбурге.

В самый же тот радостный для Екатеринбурга день, по всеобщему бдению, во всех церквах, кроме соборной, отправлены ранние литургии и молебствия, и потом духовенство с хоругвями от градских церквей собралось в Екатеринбургский собор. В то же время из монастыря принесен был в Богоявленскую церковь образ Тихвинской Божией Матери и ковчег с частями святых мощей угодников Божиих.

По совершении же в означенной церкви божественной литургии и молебствия, священные дары и принесенные святые иконы с хоругвями из той церкви протоиереем Николаем и прочим духовенством перенесены в собор и также поставлены среди церкви на столиках. По отправлении же благодарственного молебствия началась священная церемония из соборной церкви в обитель следующим порядком:

1-е.

Несен был диаконом запрестольный крест и пред ним фонарь с во[з]женными свечами.

2-е.

Хоругви всех церквей и святые иконы.

3-е.

Затем следовали хор певчих Горного ведомства и с ними причт в стихарях, которые во все шествие до монастыря пели, переменяя псалмы: «Господь воцарися, в лепоту облечеса», «Помяни, Господи, Давида», и «Вознесу тя, Боже мой, Царю мой»; стихиры: «Днесь благодать Святаго Духа и сей день Господень, радуйтесь люди».

4-е.

Два диакона с кадилами и за ними два причетника несли подсвечники с воженными свечами.

5-е.

Два священника несли икону Тихвинской Богоматери.

6-е.

За оными два диакона несли блюдо, на коем разложены были аналойные одежды с пеленами.

7-е.

Два же диакона несли блюдо со стихарями, орарем и поручами.

8-е.

Два священника на блюде несли подризники, епитрахили, поясы, набедренник и палицу.

9-е.

Затем шли два диакона с кадилами и за ними два причетника с подсвечниками.

10-е.

Два священника несли ковчег с частями святых мощей.

11-е.

За ними два священника несли на блюде священнические ризы.

12-е.

Два же священника подобно несли одежды: престольную и жертвеничную с покровами, к оным принадлежащими.

13-е.

Два священника несли тоже на блюде воздухи и покровцы.

Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь...

14-е.

Два священника несли: один — Священное Евангелие, а другой — копие и лжицу, положенные крестообразно на блюде.

15-е.

Затем шли два диакона с кадилами.

16-е.

Два священника несли: один — святой потир, с положенными на нем тарелочками, а другой — дискос со звездой.

17-е.

За оными шли два причетника с подсвечниками.

18-е.

Протоиерей Н[иколай] шел с животворящим крестом.

19-е.

По сторонам одного два диакона с кадилами.

20-е.

Затем шли: игуменья с некоторыми из монашествующих, а за ними гг. чиновники, граждане и множество народа.

Во все время шествия производился во всех церквах колокольный звон. При входе в обитель священниками оной и монашествующими учинена была встреча при колокольном звоне; а из постановленных при монастырских воротах из нескольких артиллерийских орудий по усердию благородного общества производилась пушечная пальба.

При входе в церковь певчие пели ирмос: «Побеждаются естества уставы», и «Достойно есть». Между тем священная утварь положена среди церкви на столах.

По прочтении готовящимся к священнослужению входа и по возложении на себя епитрахилей и фелоней, началось освящение всей священной утвари по обычному чинопоследованию; причем протоиерей Николай читал положенную на сей случай молитву, в которой он приложил вспомнить и о том, что священные дары сии принесены в обитель Богоматери от Их Императорских Величеств. По освящении им же, протоиереем, произнесена приличная речь, в коей он, кратко изъяснив причину настоящего торжества и ублажив монаршее благочестие к благолепию храма Господня, пригласил сослужителей своих внести священную утварь во святой алтарь. По внесении же, святой престол и жертвенник одеты были одеждами царскими, а также и служащие облачились во все священные облачения, пожалованные от щедрот монарших. В сие время петы были псалмы: «Господь Воцарися», «Коль возлюбленна селения твоя», и «Господь пасет мя».

После сего начались священнодействие: на пожалованных сосудах божественная литургия совершаема была двумя протоиереями, тринадцатью священниками с пятью диаконами, пред окончанием которой один из священников говорил слово о покорности власти государя и о причине особенной радости настоящего торжества.

Потом принесено было Господу Богу благодарственное молебствие о здравии и благоденствии Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств, с коленапоклонением и целодневным звоном, и при пении: «Тебе Бога хвалим», и возгласении многолетия как Их Величествам и всему августейшему дому, так и Святейшему

Правительствующему Синоду, Преосвященнейшему Иустину, епископу Пермскому и Екатеринбургскому, благодетельствующим обители и всем православным христианам; произведена пушечная пальба. После сего при колокольном на всех церквях звоне хоругви из монастыря препровождены были обратно духовенством обыкновенным порядком. Протоиерей же и прочее духовенство и лучшие граждане игуменьей приглашены были к трапезе монастырской, причем одна из монахинь говорила игуменье речь, в коей, прославляя покровительство Богоматери над обителью, приносила от всех сестер благодарность за ея труды и старания на пользу обители.

В вечеру церкви и здания монастырские были освещены.

Таким образом, Ново-Тихвинский монастырь, восприяв с должным благодарением священные дары от монарших щедрот, вечно будет прославлять благочестие царя и цариц, возлюбивших благолепие дому Препоблагословенных Владычицы. Священные же оные приношения послужат в роды родов памятником усердия по благочестию к месту сему августейших пожертвователей.

Источники

1. Государственный архив города Шадринска (ГАШ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 1323, 1338, 1370, 1407, 1524, 3086.
2. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 109. Оп. 1. Д. 1, 15, 19, 22, 27; Ф. 198. Оп. 1. Д. 128.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 165; Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113, 2193; Ф. 603. Оп. 1. Д. 234.
4. Описание священной церемонии, происходившей в Екатеринбурге 1822 года декабря в 12 день по случаю внесения в Ново-Тихвинский первоклассный девичий монастырь пожалованной Их Императорскими Величествами ризницы и драгоценной утвари. Екатеринбург, 1902.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. XVII. № 12060; Т. XXIV. № 18273; Т. XXXVIII. № 28990, 29037, 29051; Т. XLIV. Книга штатов. Ч. 2. Отд. III. С. 30–32, 65–67, 80, 86.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 88. Д. 255; Оп. 100. Д. 976; Оп. 102. Д. 702.

Литература

1. Баранов В. С. Летопись Верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря (Екатеринбургской епархии) в связи с историческим сказанием о житии св. праведного Симеона Верхотурского Чудотворца. Издание братства Симеона Верхотурского чудотворца, 1991.
2. Берташ А., прот. Мефодий (Смирнов) // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 121–128.
3. Берташ А., свящ. Ириной (Клементьевский) // Православная энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 460–463.

Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь...

4. Валаамский монастырь и его святыни в период расцвета и благосостояния обители. Л., 1990.
5. *Дмитриев А.* Пребывание Сперанского в Перми // Русский вестник. 1869. № 8. С. 748–749.
6. Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии // Старцы Глинской пустыни. Б. г., б. м. Репр. с изд. 1905 г.
7. *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей. (Опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905.
8. *Иконников В.* Историческое описание Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб., 1875.
9. *Иоанн (Маслов), схиархим.* Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI–XX веках. М., 1994.
10. История Пермской семинарии после преобразования ея, бывшего в 1818 году // Пермские епархиальные ведомости. 1870. Отд. неоф. № 7. С. 85–87; № 15. С. 200; № 40. С. 473; № 44. С. 515; № 45. С. 531–533.
11. *Керский С.* Новотихвинский монастырь в городе Екатеринбурге. СПб., 1892.
12. *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001.
13. *Маслов Н. В.* Православное учение о спасении по трудам глинских старцев. М., 2002.
14. Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1905. № 12. С. 398–405; № 13. С. 434–438; № 14. С. 468–474; № 15. С. 497–501; 1906. № 24. С. 808–814; 1907. № 3. С. 53–59; № 5. С. 95–103; 1910. № 5. С. 121–136; № 7. С. 163–176.
15. *Младов Г., прот.* Настоятельница Екатеринбургского Новотихвинского девичьего первоклассного монастыря игуменья Магдалина. (Биографический очерк ее, кончина и погребение) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. № 5–6. Отд. неоф. С. 111–135.
16. *Нечаева М. Ю.* Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь: выбор пути (к 210-летию открытия монастыря) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 168–221. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-168-221
17. *Овчинников В. Д.* Святой адмирал Ушаков (1745–1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина. М., 2003.
18. *Плотников Г.* Взгляд на училище при Далматовском монастыре, с 1719 по 1818 г. по актам архивным // Пермские епархиальные ведомости. 1868. № 3. Отд. неоф. С. 39–42.
19. *Плотников Г.* Настоятели Далматовского монастыря // Пермские епархиальные ведомости. 1869. № 28. Отд. неоф. С. 339–345.
20. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902.
21. *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1997.

М. Ю. Нечаева

22. *Словцов И., прот.* Соликамско-Истобенский, Свято-Троицкий, третьеклассный мужской монастырь // Пермские епархиальные ведомости. 1870. № 3. Отд. неоф. С. 21–33.
23. *Цытин В., прот.* Амвросий (Подобедов) // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 149–150.
24. *Штейнфельд Н. П.* Исторический очерк столетия Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря. Екатеринбург, 1901.

Marina Yu. Nechaeva

THE FORMATION OF TRADITION IN THE NOVO-TIKHVINSKY CONVENT IN EKATERINBURG (ON THE 200TH ANNIVERSARY OF ITS PROMOTION TO THE FIRST-CLASS CATEGORY)

Abstract: The article examines a period of history of the Ekaterinburg Novo-Tikhvin Convent from its establishment in 1809 as a non-administrative one at its own expense to the promotion of it as a regular first-class monastery in 1822. The dynamics of changes in the composition of its inhabitants, and the range of economic and church obedience, as well as the formation of the monastic landscape and perception of its significance in the religious landscape of the city are shown. The author presents reasons for a petition to enroll the monastery into the regular class, within the context of the needs of the monastic community development and the experience of building relations between the monastery and the urban society, and also the problems of the church life of the Perm diocese. The article contains historical data on the development of a special coenobitic charter for the Novo-Tikhvin Monastery, summarizing the experience of the 26-year existence of the female monastic community in Ekaterinburg, which became the basis for the continuity of the monastic life tradition for the coming decades, not only in the Novo-Tikhvin monastery, but also in a number of women's communities that arose in the Trans-Urals after. The article shows that the assistance of laypeople to a non-administrative monastery was rather limited, and for the further stable and dynamic development of the monastery it was important to obtain the status of a regular one with the allocation of land for buildings and economic needs, as well as with the state support, not from the urban community. This was typical not only for Novo-Tikhvin, but also for other minor monasteries in the country. The Novo-Tikhvin monastery, having received the state funds for maintenance, assumed the mission of caring for widows and orphans (especially from the clergy families), educating children, which corresponded to the desire of the residents themselves, and the diocesan authorities, and in general the public expectations that were imposed on monasteries in the 19th century. The promotion of the Novo-Tikhvin convent into a regular first-class one became the recognition of the monastery as one of the most comfortable and demonstrating a decent way of life in the country. The Novo-Tikhvin Female Monastery was new not only in time of its establishment, but also in spirit. Its history convincingly showed that female monasticism, which was particularly affected by the secularization reform of 1764, had the opportunity to revive in the conditions of the modernizing society of Russia in the 19th century and ensure its existence.

Keywords: *Novo-Tikhvinsky Convent in Ekaterinburg, Synodal period, monasteries, modernization of public life, urban landscape, regular monasteries, first-class monasteries, monastic landscape, establishment of a convent, Orthodox monasteries*

Citation: Nechaeva M. Yu. *Ekaterinburgskii Novo-Tikhvinskii zhenskii monastyr'*: stanovlenie obiteli (k 200-letiiu vozvedeniia v 1 klass) [The Formation of Tradition in the Novo-Tikhvinsky Convent in Ekaterinburg (On the 200th anniversary of its promotion to the first-class category)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2022, no. 40, pp. 115–177. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-40-115-177

About the author: Nechaeva Marina Yurievna — PhD (History), Senior Researcher of the Center for Methodology and Historiography, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0003-3278-7269 (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: atlasch@yandex.ru

Submitted on 24 September, 2022

Accepted on 22 November, 2022

References

1. Baranov V. S. *Letopis' Verkhoturuskogo Nikolaevskogo muzhskogo obshchezhitel'nogo monastyria (Ekaterinburgskoi eparkhii) v sviazi s istoricheskim skazaniem o zhitii sv. pravednogo Simeona Verkhoturuskogo Chudotvortsia* [Chronicle of the Verkhoturusk Nikolaevisky Male Cenobitic Monastery (Ekaterinburg Diocese) in Connection with the Historical Legend of the Life of Holy Righteous Simeon Verkhoturusk the Wonderworker]. Ekaterinburg, 1991.
2. Bertash A., protoierei. Mefodii (Smirnov) [Methodius (Smirnov)]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2017, vol. 45, pp. 121–128.
3. Bertash A., sviashch. Irinei (Klement'evskii) [Irenaeus (Klementievsky)]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2011, vol. 26, pp. 460–463.
4. *Valaamskii monastyr' i ego sviatyni v period rastsveta i blagosostoianiia obiteli* [Valaam Monastery and Its Shrines During the Heyday and Prosperity of the Monastery]. Leningrad, 1990.
5. Dmitriev A. *Prebyvanie Speranskogo v Permi* [Speransky's Stay in Perm]. *Russkii vestnik — Russian Bulletin*, 1869, no. 8, pp. 748–749.
6. *Zhizneopisanie igumena Filareta, vozobnovitelia Glinskoi obshchezhitel'noi pustyni Kurskoi eparkhii* [Biography of Hegumen Philaret, the renewer of the Glinsky Cenobitic Hermitage of the Kursk Diocese]. *Startsy Glinskoi pustyni* [Elders of the Glinsky Hermitage]. S. l., s. a. Reprint of the 1905 edition.
7. Ivanovskii V. *Russkoe zakonodatel'stvo XVIII i XIX vv. v svoikh postanovleniakh otnositel'no monashestvuiushchikh lits i monastyrei. (Opyt istoriko-kanonicheskogo issledovaniia)* [Russian Legislation of 18th and 19th Centuries in Its Resolutions Regarding Monks and Monasteries. (Experience of historical and canonical research)]. Kharkov, 1905.
8. Ikonnikov V. *Istoricheskoe opisanie Ekaterinburgskogo Novotikhvinskogo pervoklassnogo devich'ego monastyria* [Historical Description of the Ekaterinburg Novo-Tikhvin First-Class Women's Monastery]. Saint Petersburg, 1875.

9. Ioann (Maslov), skhiarkhimandrit. *Glinskaia pustyn'. Istoriia obiteli i ee dukhovno-prosvetitel'naia deiatel'nost' v XVI–XX vekakh* [Glinskaya Desert. The History of the Monastery and Its Spiritual and Educational Activities in the 16th–20th Centuries]. Moscow, 1994.
10. Istoriia Permskoi seminarii posle preobrazovaniia eia, byvshego v 1818 godu [History of the Perm Seminary After Its Transformation, Which Was in 1818]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti — Perm Diocesan Gazette*. Unofficial section, 1870, no. 7, pp. 85–87; no. 15, p. 200; no. 40, p. 473; no. 44, p. 515; no. 45, pp. 531–533.
11. Kerskii S. *Novotikhvinskii monastyr' v gorode Ekaterinburge* [Novo-Tikhvinsky Convent in the City of Ekaterinburg]. Saint Petersburg, 1892.
12. Lavrinov V., prot. *Ekaterinburgskaia eparkhiia. Sobytiia. Liudi. Khramy* [Ekaterinburg Diocese. Events. People. Temples]. Ekaterinburg, 2001.
13. Maslov N. V. *Pravoslavnoe uchenie o spasenii po trudam glinskikh startsev* [The Orthodox Doctrine of Salvation According to the Works of Glinsky Elders]. Moscow, 2002.
14. Materialy dlia istorii Ekaterinburgskogo zhenskogo monastyria [Materials for the History of the Ekaterinburg Women's Monastery]. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti — Ekaterinburg Diocesan Gazette*. Unofficial section, 1905, no. 12, pp. 398–405; no. 13, pp. 434–438; no. 14, pp. 468–474; no. 15, pp. 497–501; 1906, no. 24, pp. 808–814; 1907, no. 3, pp. 53–59; no. 5, pp. 95–103; 1910, no. 5, pp. 121–136; no. 7, pp. 163–176.
15. Mladov G., prot. *Nastoiatel'nitsa Ekaterinburgskogo Novotikhvinskogo devich'ego pervoklassnogo monastyria igumeniia Magdalina. (Biograficheskii ocherk ee, konchina i pogrebenie)* [Mother Superior Magdalene of the Ekaterinburg Novo-Tikhvin First-class Monastery. (A Biographical Sketch, Her Death and Burial)]. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti — Ekaterinburg Diocesan Gazette*. 1893, no. 5–6, Unofficial section, pp. 111–135.
16. Nechaeva M. Yu. *Ekaterinburgskii Novo-Tikhvinskii zhenskii monastyr': vybor puti (k 210-letiiu otkrytiia monastyria)* [The Origins of the Novo-Tikhvinsky Convent in Ekaterinburg (To the 210th Anniversary of the Convent)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2021, no. 36, pp. 168–221. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-168-221
17. Ovchinnikov V. D. *Sviatoi admiral Ushakov (1745–1817). Istoricheskoe povestvovanie o zemnom puti sviatogo pravednogo voina* [Saint Admiral Ushakov (1745–1817). Historical Story About the Earthly Path of the Holy Righteous Warrior]. Moscow, 2003.
18. Plotnikov G. *Vzgliad na uchilishche pri Dalmatovskom monastyre, s 1719 po 1818 g. po aktam arkhivnym* [View on the School at the Dalmatovsky Monastery, from 1719 to 1818 According to Archival Acts]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti — Perm Diocesan Gazette*, 1868, no. 3, Unofficial section, pp. 39–42.
19. Plotnikov G. *Nastoiateli Dalmatovskogo monastyria* [Fathers Superiors of the Dalmatovsky Monastery]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti — Perm Diocesan Gazette*, 1869, no. 28, Unofficial section, pp. 339–345.
20. *Prikhody i tserkvi Ekaterinburgskoi eparkhii* [Parishes and Churches of the Ekaterinburg Diocese]. Ekaterinburg, 1902.
21. Runkevich S. G. *Aleksandro-Nevskaia lavra, 1713–1913* [Alexander Nevsky Lavra, 1713–1913]. Saint Petersburg, 1997.

Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь...

22. Slotsov I., prot. Solikamsko-Istobenskii, Sviato-Troitskii, tret'eklassnyi muzheskii monastyr' [The Solikamsk-Istobensky Holy Trinity Third-Class Monastery]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti* — *Perm Diocesan Gazette*, 1870, no. 3, Unofficial section, pp. 21–33.
23. Tsy-pin V., prot. Amvrosii (Podobedov) [Ambrose (Podobedov)]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2001, vol. 2, pp. 149–150.
24. Shteinfel'd N. P. *Istoricheskii ocherk stoletii Ekaterinburgskogo Novotikhvinskogo pervoklassnogo devich'ego monastyria* [A Historical Sketch of the Centenary of the Ekaterinburg Novo-Tikhvinsky First-Class Women's Monastery]. Ekaterinburg, 1901.